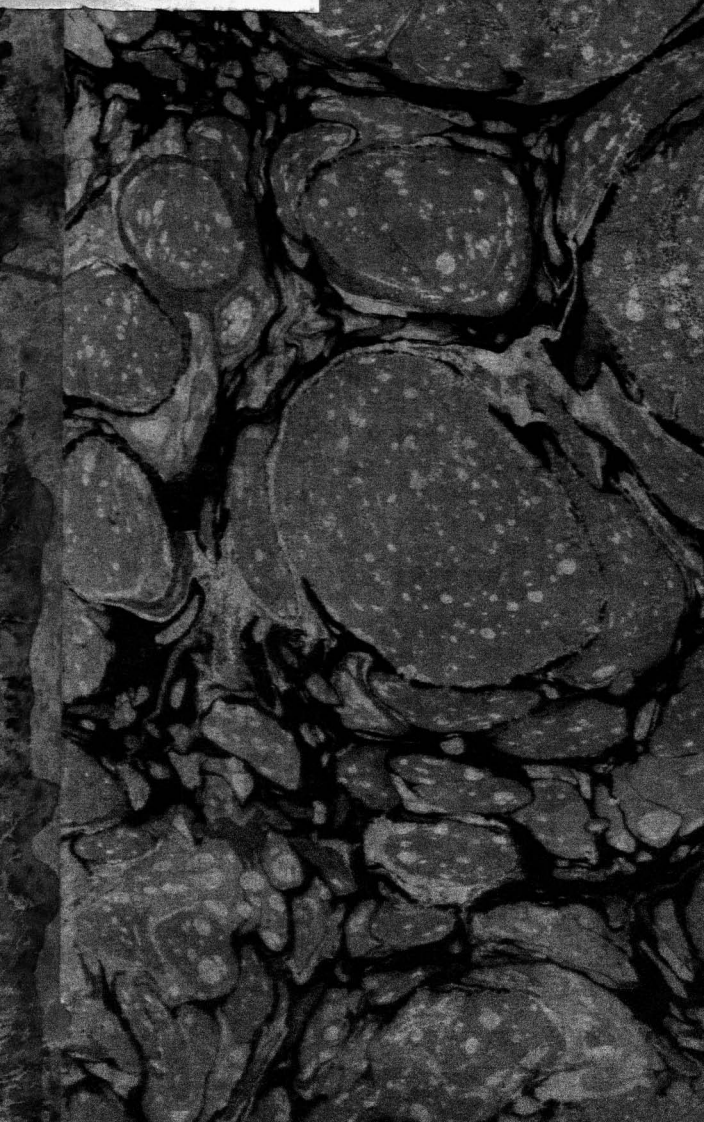

A-161445

BIBLIOTHÈQUE

DU

PRINCE E. LWOFF.

Ann. *20*

Ray. *8*

N^o *24*

БИБЛІОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКАГО университета
Св. Владимира.

БИБЛІОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА

Дмитрія Гавриловича

БИБИКОВА,

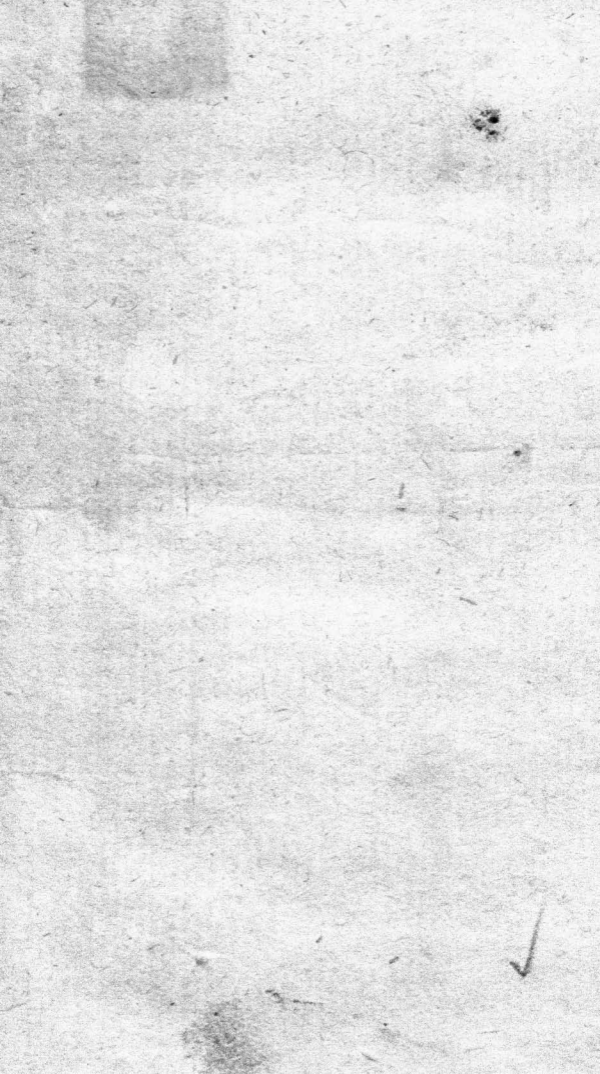
пожертвованная Университету

его дочерью,

ГРАФИНЕЮ КАССИНИ

въ 1898 г.

N^o *2125.*

Л

П И С Ь М А

РУСКАГО ОФИЦЕРА.

ПИСЬМА РУСКАГО ОФИЦЕРА

О

ПОЛЬШЬ, АВСТРІЙСКИХЪ ВЛА-
ДѢНІЯХЪ, ПРУССІИ и ФРАНЦІИ,

СЪ

ПОДРОБНЫМЪ ОПИСАНІЕМЪ ПОХОДА
РОССІЯНЪ ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ, ВЪ
1805 и 1806,

ТАКЖЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАГРАНИЧНОЙ ВОЙ-
НЫ СЪ 1812 ПО 1815 ГОДЪ.

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ
ЗАМѢЧАНІЙ, МЫСЛЕЙ И РАЗСУЖДЕНІЙ
ВО ВРЕМЯ ПОБѢДКИ ВЪ НѢКОТОРЫЯ
ОПЕЧЕСПВЕННЫЯ ГУБЕРНІИ.

ПИСАНЫ

ФЕДОРОМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

ВЪ Типографіи С. Селивановскаго.

1815.

161445

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чшо-
бы по оппечашаніи, до выпуска въ
продажу, предшавлены были въ Цен-
сурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
сей книги для Ценсурнаго Комитета,
другой для Департамента Миниспер-
сшва Народнаго Просвѣщенія, два эк-
земпляра для Императорской публич-
ной библіюшеки и одинъ для Импера-
торской Академіи Наукъ. Апрѣля 2
дня, 1815 года. — Книгу сію читалъ
Ординарный Профессоръ

Василій Котельницкій.

161445

П И С Ь М А

РУСКАГО ОФИЦЕРА.

Т В Е Р Ъ.

Т Р А К Т И Р Ъ.

Мы прїѣхали въ Тверь въ самую ненастную погоду: небо покрыто было шуманными облаками; мокрой снѣгъ сыпался. Всѣ улицы до чрезвычайности грязны. Прїѣхавъ въ первый разъ случайно въ сей городъ, и не имѣя въ немъ никого знакомыхъ, мы принуждены были остановишься въ трактирѣ. Погода ненастная, ийти нѣкуда, что дѣлать? Спашемъ описывать то, что мелькаетъ передъ глазами. Трактирѣ

есть, такъ сказать, открытой театр, на которомъ новыя лица представляють безпрестанно новыя явленія. Всякой, входящій въ пражирь, спановишся по неволѣ дѣйствующимъ для того, кто захочетъ бытъ зрителемъ. Во всѣхъ прочихъ домахъ въ городѣ видишь одно и то же: тамъ всякой подражаетъ общему образу обхожденія. Въ пражирь, напрошивъ, всякой дѣйствуетъ по своему, и здѣсь-то любопышно замѣчашъ людей. Сядемъ у стѣны на эшой софѣ; средняя комната будетъ для насъ открытою сценою: всякой, кто на нее вступитъ, спанетъ дѣйствующимъ лицомъ—завѣса открываешся:—смотримъ! . . .

Я в л е н і е I.

Входитъ и дѣйствуетъ.

Человѣкъ небольшого роста, пожилыхъ лѣтъ, ибо сѣдины бѣлѣющъ на головѣ его, ходитъ

забошливо взадъ и впередъ, погруженъ въ пріяшнюю задумчивость. По лицу видно, что онъ чего-то или кого-то ожидаетъ: глаза его часто обращаются на дверь. Онъ перяется въ лесныхъ мечтахъ, не раздѣльных однакожь съ какими-то расчесами. Когда онъ мечтаетъ, тогда глубокая задумчивость на его лицѣ часто разсѣвается пріяшною улыбкою: это улыбка надежды! . . . Но когда дѣло доидишь до расчесу; когда онъ подымаешь глаза вверхъ, шевелишь шихо губами, а правою рукою сгибаешь, одинъ по другомъ, персты на лѣвой — тогда не лзя знать на вѣрное; а надобно думать, что *бережливость* подергиваетъ лице его туманомъ прискорбія, и онъ, поширая наморщенный лобъ, погружается въ раздумье. Кажется, что въ сіе время сердце его крѣпко ссорится съ сосѣдкою своею, *записною книжкою*, (спрятанною

въ лѣвомъ боковомъ карманѣ,) въ кошорой, вмѣсто спраницъ, — ассигнаціи. Сердце и воображеніе, согласясь между собою, уговорили *разсудокъ* не мѣшашь имъ въ спремленіи къ какой-то легкой, но мечшашельной цѣли. Скулость, недремлющій спорожъ карманнаго казначейства, шопчасъ предъзнала, что вся бѣда должна кончиться на ущербѣ или совершенномъ испощеніи ассигнаціонной сумки. Эши самыя обстоятельсва были причиною спрашной суматохи, производившей въ лѣвомъ карманѣ, куда незнакомецъ не разъ посылалъ дозоромъ правую свою руку. — Онъ часшо поправлялъ дородной бумажникъ, кошорой, чешыря краями своими, выказываясь сквозь сершукъ, привлекалъ на себя жадные или, можешъ бышь, шолько любопытные взоры трактирщика болѣе, нежели каждая Генеральская звѣзда (разумѣешся безъ бриліаншовъ.)

Любопытный пракширщикъ измѣряетъ незнакомца съ головы до ногъ оспрыми взглядами, кошорые, еспьли можно сказашь, шакъ и липнушъ къ выпуклости, видимой надъ лѣвымъ его карманомъ. Эшошъ расчешливой пракширщикъ, кажется, повпоряетъ спаринные уроки и задаешъ себѣ Алгебраическія задачи: сколько незнакомецъ, въ пышномъ бумажни-кѣ своемъ, имѣетъ денегъ, и сколько изъ нихъ останется въ практирѣ?— Между тѣмъ:

ЯВЛЕНІЕ II.

Вдругъ разпахнулись двери на-спишъ... Французской языкъ гремишъ. Съ торжественнымъ видомъ входяшъ нѣсколько человекъ и душашъ привѣшливыми обья-шїями нашего мечшателя... Эшо люди нужные, чрезъ кошорыхъ на-дѣется онъ получишъ желаемое. Каждой изъ нихъ можетъ по-

чесшься спупенью той лбспницы, которую онб, вб мечсахб своихб, устроивалб, чшобб достигнушь до. . . .

Оббдб уже заказанб; садящя за столб; лучшя вина пбнящя вб спаканакб. . . Пирующб часб, пирующб другой и прещй! . . . Наконецб заплашивб разсудкомб дань Бахусу, разходящя. Тутб подчивашель изб шумнаго, веселаго шоварища спановищя шихимб, и смиреннымб: дбло приходитб кб развязкб, шо ешь, кб развязкб двумя или шремя аршинами лбншб уврученнаго бумажника. Наконецб робкими шагами приближается онб кб хозяйкб; дрожащею рукою развязываетб или разпушываетб бумажникб; сб шяжкимб спономб вынимаетб деньги и жалуется, чшо много издержалб. Хозяйка сухая, блбдная какб смерть, послб угастя карманнаго, принимаетб сердечное угастие, даетб ему титулб

великодушнаго; попомб, въ ушб-
шеніе, начинаешъ пространное
разсужденіе о ничтожествѣ де-
негб. „Деньги дѣло нажишое!“ и
проч: и проч.

З Н А К О М С Т В О .

Я В Л Е Н І Е III.

Входяшъ двое и, разговаривая
между собою, часто посмашрива-
юшъ наискось на высокаго бѣло-
кураго мушину, важно разхажи-
вающего взадъ и впередъ. Онъ под-
ходитъ къ нимъ, начинаешъ съ
однимъ (съ копорымъ прежде уже
знакомъ) разговоръ, не удостои-
вая ни малѣйшимъ вниманіемъ
другаго, копорой, кажется, съ
нешерифніемъ и большою забот-
ливостію ожидаетъ минушы, ко-
гда обрашъ на него вниматель-
ной взоръ. Наконецъ счастливая
минуша приближается: начина-
юшъ разговоръ—о необходимости
музыкальнаго клуба. „Да гдѣ на-

беремъ мы музыкантовъ?" говорилъ *бѣлокурой*. „Вошъ музыканшъ!" сказалъ одинъ изъ двухъ прежнихъ, указывая на своего молчаливаго товарища. — „*Право!* сказалъ *бѣлокурой* съ восклицаніемъ, въ знакъ удивленія. — Безмолвный музыканшъ низко поклонился. — „Онъ играетъ на всѣхъ инструментахъ" продолжалъ первый. — *Право!!* повторилъ *бѣлокурой*, гораздо пропѣянѣе: ибо это *второе право* сказано было въ знакъ одобренія. „Я имѣю честь представить вамъ этого молодого человека, говорилъ первой: онъ преисполненъ талантовъ, которыми вы, какъ покровитель всего изящнаго, откроете путь . . ." *Право!!* сказалъ въ третій разъ *бѣлокурой*, но уже ласковымъ голосомъ, увѣряющимъ въ его благосклонности. Этошъ *бѣлокурой* *Лифляндецъ* принадлежалъ къ свѣшъ одной знашней особы; отъшого шакъ и важничалъ. Моло-

дой человекъ, желая опблагодаришь своего товарища за доспавленіе ему столь лестнаго знакомства, угощаль его цѣлой вечеръ пуншемъ и виномъ, и,— въ чаяніи будущихъ благъ,— нещадилъ своего кармана.

Честолюбіе.

Вошъ, милоспивый государь! говорилъ мнѣ одинъ разфранченый Французъ, снимая ловко со свѣчи, вошъ какъ несправедлива форшуна! Человекъ съ умомъ и съ дарованіями долженъ влачить дни свои въ неизвѣстности. . . . (эшо говорилъ онъ о себѣ) Между шѣмъ какъ счастливой глупецъ, хипроспями и происками, наживаешь богатштва!!.. (эшо говорилъ онъ о хозяинѣ).

Золотое дно.

М..... Г... и Ф.... при иностранца, за двадцать предъ симъ лѣшъ пришли въ Россію, имѣя каждой полько на шю рублей кар-

шинокъ ; теперь сдѣлались они
знашными богачами, и щипающъ
капшалъ свой не рублями, а шы-
сячами. Россія золотое дно для
иноплеменныхъ выходцевъ! —

Человѣкъ въ незнакомомъ го-
родѣ есть шо же, что чипашель,
имѣющій въ рукахъ книгу, писан-
ную на неизвѣстномъ ему языкѣ:
онъ видитъ лиеры, спроки,
часто каршины; но ничего не-
можетъ прочиташъ. Пупеводи-
шель, шо есть, хотя одинъ хо-
рошій знакомой, шоль же поле-
зенъ въ первомъ случаѣ, какъ
словарь въ послѣднемъ. Не имѣя,
какъ я уже сказалъ, знакомыхъ
въ городѣ, мы пошли въ гости къ
старинной знакомицѣ своей — къ
природѣ. Дурная погода не помѣ-
шала намъ наслаждашъся ею.

Прогулка въ ненастье.

Куда лучше пройти, въ Трисвяц-
кое, или Архіерейской садъ? —

спрашивали мы у одного человека, с которым слегка познакомились в Прагширф. „А что вы хотите шамб дѣлать?“ говорил онъ съ удивленіемъ.— Разумѣется прогуливаться, и любоваться окрестностями Твери. „Какъ! въ эту погоду? теперь только шолъ мокрой снѣгъ, на улицахъ грязь по колѣно; развѣ забыли вы, что на дворѣ осень, зелень и листья на деревьяхъ пожелтели, вездѣ мокрота и сырость: чѣмъ же вамъ любоваться?... У насъ есть средство, ошвѣчали мы, чрезъ которое можемъ все видѣть точно такъ, какъ въ самой красной весенней день: луга зацвѣтутъ, деревья зазеленѣютъ, небо прояснится, и Волга, покрывая бугристыми валами, прешворится въ чистое серебряное зеркало.— Какъ, милосивые государи! развѣ вы чародѣи?— Нѣтъ! мы, на это развѣ, только просто любопытные путешественники.— Какое же

чудесное средство, какой волшебной талисман переменить для вас шумную осень в приятную весну?"... *Воображение, милосердивой государь! воображение!*... Он смотрел на нас выпуча глаза, потом улыбнулся, в знак догадки, и мы расшались. — Воображение есть лучшая, или, по крайней мере, самая благодельная для человека из способностей душевных. Уединенный мечтатель, в бѣдной хижинѣ, засыпанной снѣгами, подъ свистомъ бури, можешь воображать все приятности весны, слышать пѣніе соловьевъ и прохлаждаешься зephyрами, порхающими по цвѣтамъ и душистымъ липамъ. — Бѣдной узникъ, жертва пылкихъ спрашекъ, прикованный, изгнанный изъ общества, обремененный веригами и брошенный въ подземную шюрму, воображаетъ златое царство свободы, гдѣ никогда не раздаешь ни звукъ цѣпей,

ни спонъ прищсненныхъ, гдѣ
скованъ закономъ одинъ только де-
спотизмъ. Онъ воображаетъ, и за-
бывается о своемъ злополучіи.
Скажущъ: воображеніе шворишь
призраки и переселяешъ въ меч-
тательной міръ... пусть такъ!
Но кто живешъ воображеніемъ,
потъ обмѣниваетъ множество
горестей на множество наслаж-
деній воевъ незнакомыхъ жише-
лямъ видимаго и всѣми чувства-
ми ихъ осязаемаго міра. — Шан-
форъ сказалъ прекрасную исти-
ну, — истину понятную только
для чувствительныхъ душъ, живо-
творимыхъ воображеніемъ: *лишась
способности мечтать, душа пере-
стаетъ наслаждаться жизнью.* —
Воображеніе Гомера, Виргилія, Тас-
са, душа Илліады, Энеиды и осво-
божденнаго Іерусалима, пережило,
и еще переживетъ паденіе мно-
гихъ памяшниковъ, городовъ и
царствъ. Пламенное воображеніе
и нѣжное сердце: вошъ двѣ при-

надлежности Пийшовъ, безъ которыхъ они могли бытъ только холодными стихослагателями. Но не однимъ стихотворцамъ нужно воображеніе; славный звѣздочешъ, де ла Ландъ, также говорилъ: „важнѣйшій совѣтъ, копорой можно подать учащимся „Машемашики, соспойтъ въ шомъ, „чтобъ гораздо болѣе изоцрянь „воображеніе, нежели память.“— Вотъ крашкая и нескладная похвала воображенію, которое помогло намъ насладиться осеннею прогулкою въ большомъ Трисвяцкомъ саду тогда, какъ желтый листь, смѣшенный съ снѣгомъ, шумѣлъ уже подъ ногами нашими. Въ этомъ саду есть рядъ прекрасныхъ водяныхъ зеркалъ — чисныхъ прудовъ.— Тутъ видѣны также большой Архіерейской домъ. Еще заглянули мы въ *Воксалъ*, садъ на крутомъ берегу, копорой застали есиротѣлымъ, пустымымъ; а въ прекрасные лѣшніе

вечера Тверскіе жишели наслаждающіся въ немъ пріятнѣйшею прогулкою. Тамъ можно свободно разхаживать по шѣнистымъ липовымъ аллеямъ, опдыхать въ бесѣдкахъ, на дерновыхъ софахъ, въ прохладѣ цвѣтущихъ кустарниковъ; или, погружаясь въ задумчивость, на берегу Волги, смотрѣть на величественное теченіе сей рѣки. Можно шамъ любоваться прелестною картиною вечерней зари, албющей въ сребристыхъ волнахъ; и, гоняясь воображеніемъ за бѣгущею струею, прошекашь вмѣстѣ съ нею до предѣловъ Азіи, удивляясь множеству разнообразныхъ племенъ и языковъ, поймыхъ Волжскими водами!... Здѣсь же на берегу, за нѣсколько предѣ симъ лѣтъ, построена прекрасная небольшая бесѣдка однимъ изъ Губернаторовъ, кошо-рой, какъ говорятъ, часто отпра-влялъ, сидя въ ней, многія письменныя дѣла. Одинъ только

любишель прелестныхъ каршинныхъ видовъ могъ выбрать споль удачно мѣсто для бесѣдки, изъ кошорой глазамъ восхищеннаго зришеля открываешся, какъ на ладони, весь городъ и длинной пліосъ (*), покрытый судами и лѣсомъ мачшъ. Множество разноцвѣтныхъ флаговъ, волнуемыхъ вѣтерками, песпрѣютъ подъ голубою швердію. — Вообще окрестности Твери прекрасны, и съ перваго взгляда, кажешся, походяшъ нѣскольکو на Пешербургскія.

Мы очень хошѣли побывашъ въ шѣхъ березовыхъ рощахъ, близъ Твери, гдѣ останавливалось нѣкогда семейство знаменишаго временщика, Князя Меншикова, низверженнаго съ высоты блистательнѣйшаго величія и славы. Одно слово юнаго, самовла-

---

(*) Пліосомъ называютъ печеніе рѣки по прямой линіи. На Волгѣ пліосы не велики; она вся въ извилинахъ.

ешнаго Монарха, — какъ порывъ
 вѣтра, изкореняющей сполѣшній
 дубъ, — сразило сего посѣдѣ-
 лаго въ могуществѣ вельможу, на-
 першняка ПЕТРА Великаго и
 ЕКАТЕРИНЫ, и открыло ему путь
 въ хладной Сибири. Но злоба вра-
 говъ и безъ того горестной путь
 сей, отъ пышной столицы до
 мрачнаго Березова, неушоми-
 мо старалась усыпать шернія-
 ми. Вскорѣ по выѣздѣ изгнанни-
 ковъ, нарочный курьеръ при-
 везъ повелѣніе, по копорому
 всѣ экипажи Менщикова должны
 были возвратиться въ Пешер-
 бургъ; а его вѣрно везти, вмѣстѣ
 съ женою и дочерьми, на про-
 сныхъ шелегахъ. Кажется щас-
 тіе, лелѣвшее любимца своего
 чрезъ столько лѣтъ, опсшуилось
 наконецъ отъ него, и дало волю
 злому року, копорой, не удоволь-
 ствовавшись тѣмъ, что поразилъ
 его громовымъ ударомъ на мѣстѣ,
 преслѣдовалъ еще въ пущыни

Сѣвера, и на каждомъ шагу разилъ безщадно убѣгающаго спрадальца, пламеннымъ мечемъ своимъ. Второй курьеръ привезъ повелѣніе, чшобы снять съ Менщикова и его семейства богатыя плашья, ошпашки прежней пышности, и переодѣшь ихъ въ смурые крестьянскіе кафшаны. Вскорѣ послѣ сего чувспвишешья супруга Князя *выплакала глаза* (*) и ослѣпла, а пошомъ умерла съ шоски, не добхавъ до Сибири. Но среди всѣхъ спраданій, подѣ шяжкимъ бременемъ уничиженія, Марія, дочь Менщикова, пребыла непоколебима въ любви къ Федору

(*) Должно бы кажется сказать: *проплакала глаза* ибо предлогъ *про* всегда означаетъ потерю, на прим. *проглядѣшь, проиграшь* и проч. — а слогъ *вы* приобрѣтеніе, какъ то: *выпросишь, вымолишь, выиграшь* и проч. но употребленіе не всегда елушаетъ правилъ.

Долгорукому. Августъ Лафон-
шенъ, въ прекрасномъ романѣ
своемъ, представляешъ описаніе
прѣзда Менщикова чрезъ Тверь:
оно включено въ письмѣ Маріи къ
Федору.— Вотъ, что писала сія
несчастная дѣвица:

„Наконецъ прѣехали мы къ бе-
„резовымъ рощамъ, изъ копорыхъ
„шы писалъ ко мнѣ, будучи въ
„Твери съ Сапегою. Я уговорилась
„съ нашимъ извощикомъ, чтобы
„онъ остановился близь того мѣ-
„ста, на копоромъ шы нѣкогда
„споялъ. Тамъ упала я на колѣна,
„воздѣвъ съ моленіемъ слезящіе
„очи и руки къ небу. Федоръ! я
„обнимала, какъ друга, каждую бе-
„резу, взоры мои искали повсюду
„слѣдовъ швоихъ. Сердце желало
„бесѣдовать о тебѣ и съ самыми
„бездушными деревьями, внима-
„вшими нѣкогда швоимъ спенані-
„ямъ, вздохамъ и моленіямъ!— Я
„взывала къ цѣлой природѣ и къ
„небесамъ; ожидала ошъ нихъ ош-

„вѣша: громоваго удара, огненныхъ
 „молній, или сладкаго шопоша ши-
 „хаго, невидимаго голоса, или шо-
 „роха лисшьевъ, попрясенныхъ пе-
 „реліюшнымъ вѣшеркомъ... Напра-
 „сно! напрасно! вся природа онѣ-
 „мѣла для меня! О, Ѳедоръ! нико-
 „гда еще не чувствовала я себя
 „споль одинокою, споль осирошѣ-
 „лою въ мірѣ. . . Въ ужасномъ ош-
 „чаяніи, закрывъ лицо руками, бѣ-
 „жала я, сама не зная куда. Для
 „себя, по крайней мѣрѣ, являлось
 „въ воздухѣ привидѣніе; а мнѣ ни-
 „чего не предсавлялось: меня не-
 „счастлиую судьба жестокая не хо-
 „тѣла порадовать и мечшою! Взбѣ-
 „жавъ на холмъ, кошорой шы мнѣ
 „описывалъ, увидѣла я Тверцу, ре-
 „вущую въ кремнистыхъ скалахъ.
 „Въ оцѣпенѣніи всѣхъ чувствъ смо-
 „трѣла я на шумное паденіе бур-
 „ныхъ водъ, на кипящія подъ кру-
 „шыми берегами волны... О Ѳедоръ!
 „я благословила бы руку, кошорая
 „благоволилабъ низринуть меня,

„совсемъ моимъ злополучіемъ, въ
„сіи развѣренныя волны!“...

Если бы мы были въ Твери въ лучшее время, то не преминули бы посвятить одинъ изъ своихъ вечеровъ пріятной прогулкѣ въ тихихъ березовыхъ рощахъ, гдѣ нѣкогда такъ горестно съшова вѣрившая и несчастливѣйшая любовница. Но въ ненастную осеннюю погоду не захоули такъ далеко идти, чтобы не показаться уже слишкомъ сантиментальными путешественниками. Однакожь мы послали за себя воображеніе наше, которое опысало слѣды Маріи, видѣло ее стоящую на колѣнахъ, готовую броситься съ крушова берега.... видѣло, и все представило намъ, какъ наяву.— Совѣшумъ и всѣмъ путешественникамъ осмашривать своими глазами только полезныя заведенія и прочее; а для осмашру романическихъ мѣстъ посылать

за себя воображеніе: оно лучше все опыщенъ и разсмотрѣнъ.

Въ Твери между прочимъ замѣтили мы Смирительный или рабочій домъ, очень хорошій по наружности, имѣющій видъ крѣпости. Этотъ домъ показался намъ превосходнѣе всѣхъ смиренныхъ домовъ въ цѣломъ свѣтѣ.— А по чему?— Потому, что онъ былъ— пустъ.... Слава Богу! это дѣлаетъ честь нравственности Тверскихъ жителей: спало бы они споль крошки и добродетельны, что между ними нѣтъ никого, заслуживающаго усмирения. Счастливъ народъ, оправдывающій древнюю Китайскую поговорку: *гдѣ мети заржавѣли, а плуги свѣтлы; тюрьмы пусты, а житницы полны; ступени церковныя въ грязи, а дворы судилищъ поросли травою; ерети пѣшкоть, а мясники верхами:— тамъ стариковъ и младенцевъ много, и государство благо управляется.*

Замѣчаніе о склонности прибрежныхъ Волжскихъ жителей.

Неоспоримо, что склонности жителей различныхъ областей сообразны мѣстному положенію оныхъ (*), на примѣрѣ: жители обширныхъ лѣсовъ охочающіяся охошою къ звѣриной ловлѣ, и бывающія искусными стрѣлками. Жители степные, приспращенные къ конскимъ заводамъ, еще съ малолѣтства привыкающія къ лошадамъ: изъ дикихъ необузданныхъ коней дѣлающія во всемъ покорныхъ и вѣрныхъ имъ слугъ въ домашней жизни и въ дальнихъ походахъ. Точно такъ и береговые жители большихъ рѣкъ или озеръ, будучи искусными рыба-

---

(*) Кажется у Локка и Кондильяка можно найти доказательство тому, что склонности зараждаются отъ дѣйствія окружающихъ предметовъ на чувства.

нами и гребцами, доказывающъ ежедневно склонность и способность свою къ плаванію по водѣ. Склонность эту, какъ будто врожденную, можно даже примѣнить въ малыхъ дѣтяхъ, кошорыхъ любимая забава состоишь въ томъ, чтобы, сыскавъ обломокъ барки и сидя въ немъ, представляшь будто плывушь по рѣкѣ. Въ такомъ случаѣ одинъ изъ нихъ представляешь очень важно лице лоцмана, другіе исполняютъ должность гребцовъ.— И такъ, по различію коренныхъ свойствъ жителей, можно составлять различныя ополченія: изъ шепей, на примѣръ, выйдешъ прекрасная конница; изъ лѣсовъ выдутъ подобные Тиролецамъ ополченія искусныхъ стрѣлковъ; а береговые жители рѣкъ и озеръ болѣе всѣхъ годятся къ служенію на корабляхъ.

Въ окрестностяхъ Твери Волга принимаетъ въ себя рѣку Тверцу и рѣчки Тьмаку и Лазурю.

Городъ Тверь названіе получилъ отъ слова: *Твердь* (крѣпостца). Она устроена была прежде при самомъ устьѣ Тверцы въ 1182. году для защиты отъ набѣгавшихъ опрядовъ Новгородскихъ и Новоторжскихъ. Попомъ настоящій городъ началъ распространяшся уже въ 1242 году. Первый Князь удѣльнаго Тверскаго Княженія былъ Ярославъ Ярославичъ, бранъ славнаго Александра Ярославича Невскаго.

Въ прекраснѣйшій осенній день, прогуливаясь по берегамъ Волги, зашелъ я непримѣдно въ Едимово, подаренное Княземъ Ярославомъ любимому опроку его Григорію. При входѣ въ село, встрѣчались мнѣ вездѣ шумныя толпы народа. Всѣ молодыя дѣвицы, увѣнчанныя цвѣтами и одѣшныя по праздничному, сославляя хороводы, пѣли веселыя свадебныя пѣсни. Малыя дѣши, нагружая ку-

зова цвѣтами, прыгали отъ радости... И самые древніе шарцы, поддерживаемые косшылями и внуками, выходили садиться у широкихъ воротъ своихъ. На всѣхъ лицахъ написано было ожиданіе. „Я вижу здѣсь повсюду радость и веселіе, какая этому причина? спросилъ я у одного посѣдѣлаго шарца.— Здѣсь будетъ сегодня свадебной пиръ, ошвѣчалъ онъ. Я самъ, живя опшельникомъ въ сосѣдственныхъ лѣсахъ, пришелъ насладиться пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ юной чешы, сочешаваемой любовью... Царскій опрокъ Григорій часто прихаживалъ ко мнѣ бесѣдовать въ тишинѣ пушынной; теперь онъ соединяется бракомъ съ Ксенією, дочерью здѣшняго священника. Ксенія, продолжалъ старецъ: утѣшеніе и радость пресшарѣлаго своего опца, любима всѣми своими подругами. Григорій встрѣшилъ ее въ первой

„разъ на нивѣ одного изъ бѣд-
 „нѣйшихъ нашихъ поселянъ: она
 „помогала малымъ сиротамъ его
 „убирашь съ поля хлѣбъ. *Григорій*
 „увидѣлъ прекрасную, и плѣнился
 „ею. Онъ распросилъ объ ней у
 „старыхъ и молодыхъ, и полю-
 „билъ ее за то, чѣмъ она привя-
 „зывала къ себѣ всѣхъ: за добрыя
 „качества ея души. Теперь.” . . .
 Слова его пресѣкъ радостный
 шумъ поселянъ. *Женихъ и невѣ-
 ста* шли къ храму. *Григорій*, пре-
 красный юноша, съ алымъ ру-
 мянцемъ на бѣломъ лицѣ, съ
 темнорусыми волосами, кошо-
 рые радость завивала въ кудри,
 и съ блестящими черными глаза-
 ми, одѣтъ былъ въ богатое по-
 лукафшанье, препоясанное подар-
 комъ Государевымъ, — златымъ
 поясомъ. При бедрѣ его висѣлъ
 мечъ, осыпанный камнями само-
 цвѣтными. Рядомъ съ нимъ шла
 прелестная *Ксенія!* Румянецъ алой
 зари игралъ на полнолиейныхъ

щекахъ ея; радость, наполнявшая сердце, изливалась въ тихой улыбкѣ на свѣжія розовыя уста; между шѣмъ, какъ слезы умиленія дрожали на длинныхъ ресницахъ. — Въ свѣплыхъ голубыхъ глазахъ изображалось помненіе души нѣжной и крошкой, которая не могла вмѣщать въ себѣ всей сладости настоящаго благополучія и спранныхъ воспорговъ. Свѣшлорусые волосы завиты были руками сельскихъ подругъ въ прекрасныя кудри. — Бѣлыя гвоздички, голубыя незабудочки и синія васильки украшали голову ея: эшошъ вѣнокъ сельской просшшы изображалъ *невинность и постоянство*. Сверхъ того богатство возложило на главу прелестной невѣшпы осѣненную дорогою фашою высокую повязку, на кошорой, какъ жаръ, горѣли драгоцѣнные каменья. Пышныя кисейныя рукава съ дорогими кружевами, дѣвственныи поясъ, окружавшій спройной

шань, богатой передникъ и алая ферези соспавляли прочій нарядъ.—Самые крупные воспочные жемчуги, украшая полную бѣло-снѣжную грудь красавицы, примѣшно двигались отъ страшнаго колебанія персей дѣвическихъ... Нѣтъ! никогда, никогда *Лада*, богиня красоты, въ великолѣпныхъ храмахъ своихъ не могла бытъ прелестнѣе *Ксеніи*!... Двенадцать молодыхъ мужчинъ, въ синихъ кафшанахъ, съ алыми поясами, сѣдовали за *Григоріемъ*. Двенадцать дѣвицъ, въ нарядныхъ ферезяхъ, провожали невѣсту. Всѣ поселяне усыпали имъ путь душистою зеленью, и сѣдовласый отецъ *Ксеніи* оппиралъ уже врата храма Божія.— Вмѣстѣ съ прочими сѣдовалъ и я за прелестною чешою, кошорая пушемъ, усѣяннымъ цвѣтами, вступила въ древній храмъ. Уже свѣчи бѣло-яраго воска защецлились предъ иконами, и вмѣ-

стѣ съ ними всѣ сердца зажглись усердіемъ... Опецѣ Ксеніи, древній служитель престола, облекся въ новыя блестящія ризы и возвысилъ дрожащій голосъ свой... Вдругъ стѣсенная толпа зашумѣла и раздалась; слышались слова: „Государь! Государь!“ и юный Ярославъ, съ стройною осанкою, въ охотничьемъ плащѣ, явился посреди храма.— Робкая Ксенія пошупила свѣшлой взоръ свой, и несмѣла взглянуть на Государя. Григорій запрепешалъ, какъ преступникъ; сильное предчувствіе стѣснило душу, и рука его невольно опустила руку Ксеніи

„Такъ ли поступають съ друзьями? Григорій! ты не хотѣлъ пригласить меня въ свидѣтели своего благополучія, говорилъ Ярославъ, — простирая въ знакъ пріязни руку къ любимцу своему, блѣдному и безгласному:— видишь ли, продолжалъ онъ: „другъ и Князь швой самъ не забылъ тебя,

„но” . . . При сихъ словахъ онъ взглянулъ на *Ксенію*, и языкъ его оцѣпенѣлъ. Шумная радость народа прешворилась въ безмолвное ожиданіе. . . . Государь молчалъ, и все молчало! . . . Между шѣмъ юный *Ярославъ*, пламенными взорами, пожиралъ прелести молодой невѣсшы. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, воскликнулъ: „*Григорій!* скажи мнѣ, гдѣ нашелъ ты шакого Ангела?— Государь! ош- вѣчалъ смиренно *Григорій*: *Ксенія*, обрученная невѣсша моя, дочь здѣшняго священни- ка, кошорый уже гошовъ соче- шашъ насъ союзомъ неразрыв- нымъ. Я нашелъ ее въ бѣдноти, въ мирномъ кругу сельскихъ по- другъ ея, и. . . . „Да!” говорилъ *Ярославъ*: предокъ мой *Игорь* из- бралъ супругу шаже изъ про- сшыхъ поселянокъ, и она содѣ- лалась великою женою въ лѣшо- писяхъ міра . . . . пусть *Ксенія* „будетъ вшорою *Ольгою!*” — „Что

„я слышу!“ воскликнулъ Григорій.
 — „Такъ, невѣсша швоя доспой-
 на бышь Царицею, говорилъ Яро-
 славъ: „Князь швой избираешъ ее
 „въ супруги. . . . Какъ! вскричалъ
 „Григорій: ты опымаешь у меня
 „невѣсшу, супругу, жизнь мою!
 „какою власпію? по какому пра-
 „ву? Да, ты Государь: въ рукахъ
 „швоихъ жизнь и смерть швоихъ
 „подданныхъ; но Государь ешь
 „опецъ, покровитель, защитникъ
 „своего народа. И шакъ, ешьли
 „ты Государь, то я къ тебѣ же
 „взываю: защити меня отъ шого,
 „кто внезапно нападаешъ на ме-
 „ня безпомощнаго, и опнимаешъ
 „у меня данную мнѣ богомъ и
 „судьбою подругу души моей!—
 „Ты называлъ себя моимъ дру-
 „гомъ. Ахъ! ешьли ты мой другъ:
 „избавь меня, избавь отъ злодѣя,
 „кошорой безъ жалоспи раздира-
 „ешъ грудь мою и вырываетъ изъ
 „нее пол-сердца моего!— Ешьли
 „ты Государь, будь судіею между

„мною и собою! Ешъли шы другъ
 „мой, спаси, защиши меня ошъ
 „самого шебя!— Но шы не Госу-
 „дарь; ибо пащираешъ правосудіе
 „ногами, и предъ всѣми являешъ
 „себя рабомъ швоихъ спрасшей!
 „шы не другъ; ибо дружба, даръ
 „неба для убогихъ и нещас-
 „ныхъ, не можешъ бышь удѣломъ
 „Царей: шы шолько грозный вла-
 „дыка, пришѣсншель! . . . Ты
 „привыкъ считаешъ себя въ вѣн-
 „цѣ земнымъ богомъ. Раболѣпие
 „сѣ шрепещомъ лобзаешъ прахъ
 „ногъ швоихъ, и ты играешъ судь-
 „бою подданныхъ по дерзкой во-
 „лѣ швоихъ спрасшей! . . О Госу-
 „дарь! шы ослабленъ самовластїи-
 „емъ! Опомнись! кто шы? что
 „шы дѣлаешъ? и гдѣ дерзаешъ
 „бышь неправосуднымъ?— Здѣсь,
 „во храмъ грознаго судїи, Бога и
 „Царя царей; здѣсь въ семъ хра-
 „мѣ, воздвигнутомъ на могилахъ,
 „и окруженномъ могилами. . .

„О Князь! не правосудіе швое
 „превожишъ кости почившихъ
 „во гробахъ!... Ешлы думаешъ,
 „что предшоящій здѣсь народъ,
 „по долгу уничиженнаго рабства,
 „безчувственъ, глухъ и слѣпъ:
 „по вспомни, что ты ошвсюду
 „окруженъ иными недремлющими
 „свидѣтелями швоихъ дѣлъ и да-
 „же помышлений. Тамъ, свъ высо-
 „ты, взираешъ на себя *Всевида-*
 „*щее око*, кошораго ты долженъ
 „спрашиться. Здѣсь, изъ нѣдръ
 „земли, изходяшъ къ тебѣ укоры
 „мертвыхъ, кошорыя уже тебя
 „не спрашаша. Я вызову спо-
 „номъ моимъ и самыя тѣни изъ
 „гробовъ; я возмущу моими воп-
 „лями и *поднебесной* и *подземной*
 „міръ!— Умилосердись Государь!
 „дружба упонаешъ предъ тобою
 „въ слезахъ; *совѣсть* швоя уко-
 „ряешъ тебя въ неправотѣ; *Исто-*
 „*рія* приемишъ свинцовое перо и
 „гошова впишашъ имя швое въ чер-
 „ную книгу Царей притѣснителей.

„Смотри! и *смерть*, стоя за по-
 „бою, преплетъ тебя по раме-
 „намъ и шепчетъ на ухо: вспом-
 „ни себя! или еще минуша и— я
 „сорву съ тебя вѣнецъ и порфи-
 „ру; дамъ тебѣ *ризу истлѣнія*,
 „вмѣсто *покрова славы*, и гор-
 „дой духъ швой повлеку на судъ
 „къ тому, кто сжашіемъ дани
 „объемлетъ вселенную, и еди-
 „нымъ взоромъ очей колеблетъ
 „землю и небеса!— О Князь! ко-
 „гда неправосудіе воцаряется
 „между швоими подданными, по-
 „гда приходишь ты съ мечемъ и
 „вѣсами, неся съ собою судъ и
 „казнь. Но когда Цари спановяш-
 „ся неправосудными; когда вопль
 „пришѣсенныхъ народовъ сзы-
 „ваетъ мстишеля съ небесъ: по-
 „гда. . . тогда должно ждаться,
 „что разкроется небо и въ бле-
 „скѣ разящихъ молній низыдетъ
 „Судія!— Но по что не гремишь
 „доселѣ труба Архангела? Пустьъ
 „скорѣ пламенные вихри сорвутъ

„сонмы звѣздъ съ небесъ, и смѣ-
 „шущъ съ земли, какъ прахъ, пре-
 „сполы и царства! Подъ громомъ
 „разрушающейся природы я из-
 „поргну у тебя мою невѣсту,
 „мою *Ксенію*. . . . Нѣтъ! нѣтъ!
 „чтобъ обладать *Ксенію*, ты дол-
 „женъ обогришься всею моею кро-
 „вью и, на хладномъ шруцѣ шво-
 „его друга, принявъ брачный вѣ-
 „нецъ. . . . Ты не успѣешь и въ
 „этомъ: *Ксенія* обручится съ
 „смертію, а не съ побою; она
 „ляжетъ въ одномъ со мною гро-
 „бѣ!” — „*Ксеніи* умерешь? — Ахъ
 „нѣтъ! она будетъ жить и цар-
 „ствовать.” — Такъ восклицалъ
 спрашнкой *Ярославъ*, кошорой во-
 все не внимая прочимъ дерзкимъ
 рѣчамъ опчаяннаго друга, споялъ
 спокойно опершись на мечъ и
 ушремивъ чувства, взоры и мы-
 сли свои на одну *Ксенію*. — „Я
 „проклянѹ себя, ешьяли ты опы-
 „мешь у меня невѣсту, вскричалъ
 „опяшь *Григорій* спрашнымъ го-

„лосомъ изшупленія: пусть рев-
 „нось, какъ змѣя, обовьешся
 „вкругъ сердца швоего! Пусть со-
 „вѣсь швоя, какъ люшой звѣрь,
 „раздираешь внутренность
 „швою! Заключая насильствен-
 „ный союзъ брака, да заключишь
 „шы неразрывной союзъ со всѣ-
 „ми бѣдствіями въ жизни! . . . .
 „Пусть мстительная судьба ли-
 „шишь тебя навѣки сладостна-
 „го удовольствія бышь опцомъ...
 „Пусть смерть убиваетъ чадъ
 „швихъ, еще сущихъ во чревѣ,
 „подъ сердцемъ матери ихъ! . . .
 „Пусть торжествующій врагъ
 „швой сбросишь тебя съ престо-
 „ла, и да будешь шы погребенъ
 „подъ развалинами швоего цар-
 „ства! . . . Ахъ нѣшь! я безумный,
 „могу ли желать гибели моего
 „опечества?— Скорбь извлекаешь
 „вопли опчаянія изъ груди оже-
 „сточеннаго . . . и всѣ мои споны
 „напрасны! . . . они перяются въ
 „воздухъ.”— Въ самомъ дѣлѣ Яро-

славъ былъ глухъ ко всему, что ни говорилъ его любимецъ; онъ жилъ и дышалъ одною Ксенією. — Между шѣмъ несчастной Григорій, съ сокрушеннымъ сердцемъ, падаетъ на колѣна, воздвѣваетъ руки къ небу и восклицаетъ: „Сердце Царево въ рукѣ Божіей! — Боже! смягчи душу владыки и опкрой въ нее путь спонамъ и слезамъ несчастнаго!“ — Потомъ, обращаясь къ Ярославу: — „Государь! возьми обратнo всѣ швои дары и возвраши мнѣ одну Ксенію! . . . Мы покроемся рубищемъ, углубимся въ пѹсшынные лѣса, и будемъ благословлять имя твое. . . Ахъ! пусть всѣ изреченныя мною заклинанія обращаются на самого меня; а ты, о Государь! будь щасливъ и славенъ; но будь и милосердъ! Будь правосуденъ: внемли моленіямъ униженнаго предъ тобою, убишаго рокомъ несчастливца!“ — Григорій повергся къ ногамъ Ярослава.

Сіе пронуло юнаго, пылкаго Государя. Онъ поднялъ его ласково и раздумавъ, сказалъ: „бышь такъ... „пустишь ша, кошорая плѣнила, очаровала Государя и подданнаго, „рѣшивъ между нами сердечной „споръ!“” Тутъ, обращаясь къ невѣстѣ, онъ говорилъ: „*Ксенія!* „опрокъ *Григорій* кашелъ себя „въ бѣдности и полюбилъ; я уви- „дѣлъ тебя его невѣстою и плѣ- „нился тобою: онъ предлагаетъ „страшное, вѣрное сердце; а я „раздѣлю съ тобою вѣнецъ, пре- „сполъ и все мое царство! Не „спрашисъ послѣдовашь склонно- „сти швоего сердца: любовь рав- „няешь Государя съ подданнымъ; „выбирай одного изъ насъ!“” — *Ксенія* взглянула на *Григорія*, за- красилась и пошупила смущен- ный взоръ; взглянула на *Яро- слава* и — подала ему руку. Вос- хищенный Государь, поржесшвуя побѣдою, поспѣшно усстраняетъ соперника своего, спановишся на

его мѣсто, съ жаромъ хватаетъ руку *Ксеніи* и приказываетъ вѣнчать себя съ нею.—Несчастный *Григорій*, какъ будто разраженный тысячею громами, недвижимъ, безмолвенъ, стоялъ въ оцѣпенѣніи всѣхъ чувствъ. Онъ казалось не вѣрилъ еще своему злополучію до тѣхъ поръ, пока священникъ спросилъ дочь свою: по любви ли и согласію отдаетъ она руку и сердце? — *Ксенія*, не запинаясь, отвѣчала: да!

Тогда несчастной спрадалецъ, придя въ себя, закрылъ лице руками и спремешельно бросился къ *Волгѣ*. Тамъ, разшерзавъ на себѣ дорогія одежды вырывая изъ главы клоки прекрасныхъ волосъ, уже гошовъ былъ попушитъ пламень, его снѣдавшій, въ глубокихъ струяхъ *Волги*... какъ вдругъ *Ардалионъ*, спарецъ, бесѣдовавшій прежде со мною, оспановилъ его. — Я послѣдовалъ за *Григоріемъ* и все сіе видѣлъ.

„Нещасный! восклицалъ пус-
 „шынникъ: куда спремисься шы?
 „— Опчаяніе влечешъ тебя, къ
 „гибели.” „О мой ошець!”, — вос-
 „кликнулъ Григорій, и палъ на
 „грудь его: слезы старца смѣша-
 „лись съ слезами юноши. — „Что
 „миѣ дѣлашь? гдѣ преклонишь бѣд-
 „ную главу? Насиліе вышѣсня-
 „ешъ меня изъ предѣловъ міра се-
 „го; злополучіе разитъ повсюду
 „спрѣлами своими: ахъ! что дѣ-
 „лашь? гдѣ укрыйся?” — Тамъ,
 „говорилъ пусшынникъ, указывая
 „на темные лѣса: „тамъ, въ ши-
 „шинѣ пусшынь, шы найдешь
 „спокойшвіе: *лестъ* и *рабоуѣліе*
 „спрашашся мрачныхъ лѣсовъ.
 „Пусшыни опшельниковъ, осѣнен-
 „ныя дланію самого Бога, не под-
 „вержены гоненію смершныхъ.
 „Свобода, повсюду стѣсняемая въ
 „шумномъ мірѣ, торжесшвуетъ
 „въ безмолвіи лѣсовъ. Любимецъ
 „Царя земнаго, содѣлайся напер-
 „сшникомъ Власшителя вселен-

„ной: будь мужественъ, скръ-
 „пись! . . . Я бы не могъ найти
 „средствъ къ утѣшенію своему,
 „если бы сама Ксенія; но . . .”
 Она вѣроломна, клятвопреспу-
 на! — Такъ восклицалъ Григорій:
 „Ахъ! не она ли увѣряла меня, что
 „скорѣе горы сдвинутся съ мѣста,
 „и рѣки потекутъ къ источникамъ
 „своимъ, нежели она перестанетъ
 „меня любить; но посмотрише,
 „посмотрише! горы сходятъ еще
 „на мѣстѣ, и Волга бѣжитъ
 „къ синему морю, а Ксенія?
 „о вѣроломная! суешная, легкомы-
 „сленная женщина! Нѣтъ! она ни-
 „когда меня не любила, или жен-
 „щины неспособны писать
 „исконной, постоянной любви!” —
 Въ сіе время раздался повсюду
 крикъ народа: „да здравствуетъ
 „Князь Ярославъ и супруга его
 „Ксенія!” Григорій громко воз-
 сшелъ и я — проснулся. —

Осмащивая наканунѣ Отрогъ
 монастырь, шолшые Голшиче-

скіе своды въ древней его церквѣ, и попомъ, почти цѣлой вечеръ, размышляя о несчастной участи опрока Григорія, я видѣлъ его и все съ нимъ случившееся—во снѣ.

По лѣшописямъ Тверскимъ извѣстно, что Ярославъ, разсѣвшись на время съ Григоріемъ, желалъ разсѣять соколиною охотою грусть, которая на престолѣ и подѣ виссономъ царскимъ часно гнѣздилась въ сердцѣ двадцатишестилѣтняго Государя; въ сердце чувствительномъ, открытомъ для любви— и для спрасшей.— Онъ развѣзжалъ по чистымъ полямъ, какъ вдругъ, любимый соколъ его взвился и сѣлъ на крестѣ Едимоновской церкви. Ярославъ скачетъ за нимъ, видитъ церковь, окруженную народомъ, спрашиваетъ, узнаетъ о свадьбѣ своего друга, входитъ— и ошнмаетъ у него болѣе, нежели жизнь. Несчастной опрокъ, лишаась всего, облакается въ нищенское рубищѣ, долго бродитъ по лѣсамъ, наконецъ

близь устья Тверцы, въ березовой
рощѣ, поселяешся въ бѣдной хи-
жинѣ, гдѣ проплакавъ прежде вре-
мени жизнь свою, умираешъ опъ
любви, и погребается дружбою.
Надъ прахомъ его воздвигнушъ
Отрогъ монастырь.

По свидѣтельству лѣтописи
Тверской, Ярославъ долго не имѣлъ
дѣшей, и въ сокрушеніи сердеч-
номъ онъ и Ксенія возсылали шеп-
лыя моленія къ Богу. Наконецъ
Ксенія родила сына *Михаила*, ко-
шорый въ житіи своемъ описалъ
и приключенія несчастнаго ош-
рока *Григорія.*

Пробывъ въ Твери шолько двое
сушокъ, мы не могли ничего поряд-
очно разсмотрѣшь: и для шого о
ней болѣе ни слова. — Опъ Тве-
ри Московская дорога вымощена ;
на низинахъ мосты на сво-
дахъ изъ дикаго камня, съ прекра-
сными перилами и пирамидами.
Прѣзжая по сей дорогѣ, вспоми-
нишь объ Австрійскомъ шоссѣ.

Волга, извинаящаяся въ споронѣ, загрозозжена судами, на кошорыхъ шемнѣюшѣ роци мачшѣ.

Помѣщикъ, любимый крестьянами.

Никшо не можешъ шакъ просшо, и вмѣстѣ шакъ краснорѣчиво похвалишъ добраго помѣщика, какъ собшвенные его крестьянѣ.

Большое село *Городня*, нѣсколь-ко лѣшъ шому назадъ, принадле-жало *Г. Бему*. Многие знали его какъ славнаго ѣздока; но свидѣ-шельшво всѣхъ крестьянѣ села *Городни* доказываетъ, что онѣ былѣ и доброй помѣщикѣ и ошецѣ крестьянѣ. Едва задумалѣ го-сподинѣ *Бемѣ* распашъся сѣ пре-краснымѣ селомѣ своимѣ, вдругѣ выискалось множешво пошупщи-ковѣ.—Но человѣколюбивой помѣ-щикѣ не продалѣ, а *поругилѣ* шоль-ко крестьянѣ своихъ подѣ высо-чайшій покровѣ *Ошца - Монарха*,

уступивъ ихъ Государю, гораздо за сходящейся цѣну прошивъшой, кошорую предлагали ему частные люди. Кресьяне Г. Бема вскорѣ удоспоились Высочайшихъ щедростъ село Городня выгорѣло, и Государь благоволилъ пожаловать поспрадавшимъ отъ пожара шесть тысячъ рублей на исправку, да сверхъ того оппустилъ имъ за три года казенныя подати. Въ эпомъ селѣ, между прочими, опличающся два кресьянскіе дома какъ величиною, такъ и красивымъ своимъ видомъ: настоящіе господскія хоромы. И самыя Нѣмецкіе кресьяне не всѣ въ такихъ домахъ живутъ. Народъ въ Московскомъ краю бѣлошубъ, свѣжъ лицомъ и одѣшъ прекрасно.

Трактиръ въ Завидовѣ.

Пушешесивенникъ, дрожащій отъ сужи, съ большимъ удоволь-

спіємъ войдетъ въ прекрасной, свѣтлой и теплой пракширъ въ Завидовъ. Тамъ найдете покойные диваны для отдохновенія, можете имѣть очень вкусной споль и лучшіе напитки. Войдя въ камнашы, мы засшали шумное собраніе пробзжихъ. Двери въ другую половину были запершы. Мы разположились на софѣ. Часъ ошъ часу шумъ собесѣдниковъ умножался. Одинъ рассказывалъ новости, другой говорилъ о дорогѣ; нѣкоторые съ спаканами пуншу заводили новыя знакомства. Вдругъ входилъ слуга и пресилъ, съ учтивымъ поклономъ, чшобъ Гослода пробзжающіе попише разговаривали; ибо господинъ его, Генералъ Б. . . рѣ , желаетъ, въ другой комнашѣ, уснуть съ дороги. „Эшо Французѣ! сказали нѣкоторые, и шумъ не уменьшался. . . „Мы довольно насидѣлись молчанками въ дорогѣ; здѣсь всякому вольно говоришь и веселишься.”—

Такъ говорили другіе. — „Нѣтъ, милосшивые государи! сказалъ наконецъ хозяинъ шракшира: „эшоуъ Генералъ не Французъ, а Испанецъ!—” Испанецъ! воскликнули многіе, и шумъ началъ утихашь..... Испанецъ! повторяли другіе; ему надо дашь успокоишься! Всѣ заговорили шопошомъ о швердосши духа Испанцевъ, о героической любви ихъ къ отечеству, и проч. и проч. (*)

Изъ Завидова до Клина ѣхали мы сквозь ночь съ нѣсколькими попушчиками. Колокольчики звѣнѣли на дугахъ, и веселые ямщики, какъ ночные соловьи, полѣшали насъ своими длинными заунывными пѣснями. Когда одинъ

(*) Сей, по видимому маловажной случай очень ясно, однакожъ, показываетъ духъ того времени. Прежде еще нашествія Французовъ души Рускія уже были ополчены прошиву нихъ.

оканчивалъ колѣно, другой подхватывалъ, и пѣнію не было конца. — Мы замѣтили, что ямщики наши, при каждой встрѣчѣ, снимая шапки, привѣшливо другъ другу кланяюся: вошъ учтивостьъ Рускаго народа!

Городъ Клинь.

На разсвѣшѣ прѣехали мы въ Клинь. Эшо уѣздной городъ Московской губерніи при рѣкѣ Сестрѣ. До производсва своего въ города былъ онъ большимъ селомъ, принадлежавшимъ нѣкогда Романовымъ.

По всей Московской дорогѣ видишь прекрасныя высокія избы съ разкрашенными большими окнами. Снаружи хорошо; а внутри еще лучше: народъ свѣжъ, не бѣденъ, слѣдовательно и веселъ. Рускія селы почти во всякое время оглашаются веселыми пѣснями. Чѣмъ же избавлены они отъ нищеты, столь обыкновенной въ другихъ нашихъ же краяхъ! — Тру-

долюбіемъ и промышленностію. Промышленностьъ заставляешъ ихъ, распавшись съ шеплыми избами и молодыми женами, свивашься въ длинныя обозы и переѣзжаешъ изъ края въ край. — Нѣкоторыя Рускіе извозчики, какъ на примѣрѣ: жишели Клина, имѣя ошмѣнныхъ лошадей, берутся провозишъ охотниковъ не только во всѣ концы Россіи, но и внѣ оной до разныхъ заграничныхъ городовъ. — Жаль одного, что почти во всѣхъ большихъ Рускихъ селахъ дворы крестьянскіе до чрезвычайности сѣснены. Часто случаеться, что въ продолжительныя лѣтніе жары цѣлыя лѣса загарающься, и пламя подходитъ къ деревнямъ: въ какомъ случаѣ что дѣлать съ длинными сѣсненными рядами крестьянскихъ домовъ? Сохрани Богъ, загорись одинъ — и всѣхъ, какъ не бывало! . . . Пробѣжая изъ Смоленска въ Москву, пріятно видѣшъ Подмосковное село *Вязему*.

гдѣ дома крещьянскіе такъ удалены одинъ отъ другаго, и сверхъ того прикрыты разсаженными между ими деревьями, что никакъ не могутъ подвергнуться повальному пожару.

Мы ѣхали въ Москву— слѣдовательно не по пустой дорогѣ. Еслилибъ вдругъ явился въ какой нибудь сторонѣ новой земной Рай, то въ рядѣ была ли бы и шуда такъ шорна и такъ многолюдна дорога, какъ изъ Петербурга въ Москву, особливо по осени и въ началѣ зимы. Въ это время, со всѣхъ концовъ Россіи народъ толпился въ сію столицу. Всякой привозитъ съ собою *страсти, прихоти и деньги*; а весною возвращается изъ столицы только съ *вослаленными страстями*, но уже *безъ денегъ*. Храмъ Януса въ Римѣ никогда не запирался во время войны; *мода* въ безпрестанной войнѣ съ добродѣшелію и нравственностію: отъ того храмы ея всегда отперты.

М О С К В А .

Сліяніе голосовъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ народа, и гулъ нѣсколькихъ сотъ колоколовъ составляешъ смѣшенный шумъ, который, окружая собою Москву, поражаетъ слухъ подвѣзжающаго къ ней путешественника. Въ то же время взоръ его видитъ издали, какъ будто слыше вмѣстѣ, верхи нѣсколькихъ тысячъ домовъ, башенъ и церквей—видитъ, и, вмѣстѣ съ воображеніемъ, теряется въ сей необозримой громадѣ.

Пловецъ, на легкомъ челнокѣ, тихо увлекаясь теченіемъ рѣки, можешъ разсматривать берега и окрестности; но приближаясь къ устью, гдѣ вдругъ открывается неизмѣримое пространство безпредѣльнаго океана, гдѣ слышенъ вѣчный шумъ сражающихся волнъ,—изумляется, цѣпенѣетъ... все видитъ, и ничего не постигаешъ...

Точно такъ всякой, вѣхавъ въ Москву, долженъ оплохить попеченіе свое описывать ее. Или для порядочнаго описанія сей древней столицы надобно прожить въ ней годы, безпрестанно занимаясь только ею. — Я попышаюсь сдѣлать нѣсколько замѣчаній и просныхъ разсужденій только объ нѣкоторыхъ предметахъ, и то мимоходомъ, безъ всякой цѣли и порядка.

Путешественникъ, богатой благородными чувствами, но бѣдной кошелькомъ, пріѣхавъ въ Москву, можетъ сказать о ней почти то же, что *Стернъ* сказалъ о *Парижѣ*: „Парижъ прелестной городъ для того, кто имѣетъ покойную карету, дюжину проворныхъ слугъ и двухъ или трехъ прекрасныхъ поваровъ. Какъ свободно, какъ весело тогда можно жить! — Но бѣдному, горобогатырю, безъ коней и колесницъ, съ шочищими карманами

„и однимъ только пѣшимъ слу-
 „гою гораздо сходнѣе, держась
 „пословицы: дома сидѣшь, да ни
 „на кого не глядѣшь.“

Вопросъ: что есть мода? Оп-
 вѣтивъ: мода есть нѣчто... прудно
 обвяснишь что, и что ша-
 кое.... Обишель ея— всѣ большіе
 города; ея храмы— близъ Кузнец-
 каго моспа; жрицы ея— модныя
 шорговки. Она безпреспанно из-
 мѣняешся во всемъ, кромѣ одного
 посшояннаго владычештва надъ
 благородными или дворянскими
 сердцами.

Я самъ не знаю, что со мною
 случилось, что я видѣлъ и слы-
 шалъ. — Мнѣ грезились разныя
 спранности, разныя чудеса: кар-
 лы и великаны; шушы и богашы-
 ри; змѣи, раки и чудовища, кол-
 дуны и вѣдьмы; духи домовые,
 водяные, лѣсовые — словомъ вся

нечистая сила. Во всемъ этомъ былъ страшной сумбуръ и сумашоха, и все однакожь сопровождалось довольно пріятною музыкаю и пѣніемъ. Въ глазахъ моихъ лешали, бѣгали, смѣялись, дрались... Чшобы это значило Господинъ лекаръ? спросилъ я у одного знакомаго мнѣ врача. Онъ взялъ меня за руку, внимашельно ощущалъ пульсъ, нашолъ, что онъ не полонъ и не частъ; разспросилъ о состояніи моего апешипа, головы, о томъ, о другомъ, и рѣшительнo объявилъ, что во мнѣ не видно было ни одного признака горячки.— Боже мой! я не былъ въ жару и не спалъ, а видѣлъ что-то чудное, очень чудное! Да откуда вы шеперь? спросилъ онъ. Прямо изъ шеашра, опшвѣчалъ я.— „А!... поминаю... поминаю... милосшивой государь, вы видѣли.... Чшо? Славное Нѣмецкое произведеніе: Дунайскую Нимфу или Днѣпровскую Русалку.

Взоръ съ Ивана Великаго.

Съ лѣспницы на лѣспницу, мы взбирались выше и выше, и наконецъ очутились на самомъ вѣрху Ивана Великаго. День былъ шуманной: мы не могли видѣшь всѣхъ прелестныхъ, живописныхъ окрестностей Москвы. Но обратя взоръ на низъ, увидѣли себя выше всего города!

Москва разширялась подъ нами какъ море, въ шуманныхъ отдаленностяхъ... Въ ряды домовъ, которыхъ великолѣпие и огромность изумляли насъ, когда мы смотрѣли на нихъ снизу.—Теперь, когда смотримъ съ высоты, они кажутся только домиками, которые уже не могутъ ни пѣннншь, ни изумлять. Отъ чего неспрѣшь эта площадь? Она покрыта множествомъ народа... Смотришь, люди движущся, мелеющся, бродящъ, какъ муравьи. Какое смяшеніе! какая суеша!— это волненіе

воплощенныхъ страстей. Кпо
споишѣ на Иванѣ Великомѣ —
шопѣ выше ихѣ. Вошѣ выгода
бышѣ на высотѣ. — Какѣ малы
кажущся намѣ съверху всѣ эпи
толпящіяся внизу люди! шочно
восковыя куклы! — Можно ли за
видовашѣ кому изѣ нихѣ и желашѣ
бышѣ на его мѣстѣ? — Кажешся
нѣшѣ. Но шамѣ внизу ешѣ Гра
фы и Князья, богачи и вельможи:
развѣ знашность, богатштво и
блескѣ ихѣ шишуловѣ не поража
ютѣ васѣ? — Нимало: я смошрю
съ Ивана Великаго, и ничего не
вижу подѣ собою, кромѣ шумной
толпы, сосшавленной изѣ кон
ныхѣ и пѣшихѣ — карликовѣ! —
Всходише чаще на Ивана Великаго,
шо ешѣ, приучише духѣ вашѣ воз
носишся выше предразсудковѣ
и великолѣпнн, и шогда гордосшѣ
и страши всегда оставашся бу
душѣ у ногѣ вашихѣ . . . . Ешѣ
ли надменной Графѣ, богатый
Князь, суешной вельможа, осы-

панной дарами счастья, изумяшѣ васѣ своею пышностію; естѣли раболѣпное ласкашельство станешѣ превозносишѣ ихѣ величіе и знашность до небесѣ; а вы захошите, *сдѣлавѣ повѣрку*, узнашѣ кшо они вѣ самомѣ дѣлѣ: по стоишѣ только вамѣ взоиши или воспаришѣ мысленно на самой верхѣ Ивана Великаго. Скажу яснѣе: внесишесь выше той чершы, сѣ которой мы обыкновенно смопримѣ на людей; окиньше ихѣ опшуда безпристрастнымѣ взоромѣ, и тогда увидише сами, чшо они, вѣ великихѣ палатахѣ своихѣ, очень малые люди, а кажущся только опѣ того великими, чшо ходяшѣ на *ходуляхѣ гордости*. — Такимѣ образомѣ вы можете стояшѣ выше всякой сѣби и надменности, даже вѣ то время, когда они мечшаюшѣ, чшо вы у ногѣ ихѣ. Вступая вѣ чертоги *сильнаго временщика*, скажише потчасѣ воображенію своему: „на Ивана Великаго!“ Тогда обо-

зрѣвъ его, не снизу, а съвысошы; вы можете говоришь съ нимъ, какъ Гулливеръ съ Царемъ Лилипуша — вольно и смкровенно. Вы будете тогда превыше раболѣпства, которое пресмыкаясь въ шинѣ и прахѣ, шепчетъ малодушнымъ объ уничиженіи. И самъ вельможа удивишь вашему благородному, возвышенному духу; а безъ того... онъ изумишь васъ блескомъ своей знапности. Однимъ косымъ взоромъ разспроитъ онъ всѣ ваши соображенія; и вы, придя въ робость, забудите, о чемъ хотѣли говоришь. вмѣстѣ съ прочими почпеша вы его *за великанъ*, и смѣшаешесь со стадомъ безсловесныхъ поклонниковъ. Бодрый орелъ, осужденный *на вѣтное ползанье*, умеръ бы съ грусти, встрѣчая на каждомъ шагу огромныхъ шварей, гошовыхъ его раздавишь. Но премудрость Всевышняго одарила его быспрыми крыльями: онъ паришь къ солнцу, — и слоны, и львы, са-

мовластные правители лѣсовъ, кажутся ему — мухами. . . Таковъ, окрыленной независимостію, духъ благороднаго теловѣка! . . .

И такъ большая часть великихъ пошому только велики, что мы смотримъ на нихъ снизу; взойдемъ на *Ивана Великаго*, посмотримъ сверху, и они покажутся намъ въ шочномъ своемъ ростѣ — Лилипупцами! . . . А можноль раболѣпствовать, льстить, завидовать или удивляться Лилипупцамъ? —

Словомъ : кто спанетъ смотрѣть на все великое съ *Ивана Великаго*, тотъ вѣрно въ жизни своей доволенъ будетъ и *малюхижиною*, и *малымъ достаткомъ*.

С* * в а б а н и .

Новыя бани, построенныя Гномъ С* * * мъ, въ славѣ. Всѣ ихъ хваляшъ: повѣримъ молву. — И въ самомъ дѣлѣ прекрасныя бани! Какая чистота! какой порядокъ! Свѣшлыя, опрятныя комнаты съ

расписанными стѣнами; покойные диваны для отдохновенія; на окнахъ занавѣски и цвѣшны, да же длинной, теплой коридоръ, — попомъ баня! — Жаръ поспешенно умножается; парильщики искусны въ своемъ дѣлѣ; воды теплой и холодной сколько угодно: споймѣ только опвернуть краны — и ручьи льются. При помѣ баня всегда чиста, разлитая вода, обмывая все задулки, спекается, сквозь полъ въ нарочно сдѣланныя скважины. Но при яшнѣ всего искусственной дождь. Желаетель прохладишь горящее шло свое: повърнише кранъ, и вдругъ сверху изъ рѣшетки, сдѣланной въ видѣ сита, посыплется на васъ самой тихой весенній дождикъ. Захотише, — можете его увеличити; а наконецъ превратиши и въ самой проливной осенній дождь.

Баня есть самая позволительная роскошь: она вездѣ нужна; а

въ Россіи необходима. Пословицы суть изреченія цѣлаго народа; у насъ говорящъ издавна: *бана вторая мать!* Во времена стариннаго гостепріимства спранныковъ всегда угощали теплою банею. Паровыя бани и холящъ и лечашъ Рускаго челоуѣка: простуды, завалы, поврежденія *лимфатической системы*—все исцѣляешся, какъ говорящъ, въ малиновомъ духу!—Изпарина и шрѣніе облегчающъ, очищающъ шѣло, придающъ быспрошу крови и бодрость жизненнымъ духамъ.—Судя по безпредѣльной пользѣ хорошихъ бань, не лзя кажется причестъ къ спашьямъ вредной роскоши и шакихъ, кошорья бы заключали въ себѣ все то, чѣмъ наслаждающъ въ Воспочныхъ мыльняхъ. Тотъ, кшо входитъ шуда, чувствуетъ постепенно прибывающій жаръ; шѣло его начинаешъ, какъ сказать, распускашся. . . Онъ ложилъ на по-

спель, избъ самыхъ аромашныхъ
 правъ, и, упиваясь сладоспнымъ
 запахомъ, помишся, забывается,
 и весь шаешъ въ легкомъ жару...
 Вскорѣ пробуждаешъ его сильная
 рука парильщика, кошорый, съ
 великимъ искусвомъ назира-
 ешъ все шѣло байкою, камлошомъ
 или фланелью. Опъ сего элекспри-
 ческаго шрѣнїя нервы оживаюшъ
 въ новой свѣжести. Огромная мяг-
 ная губка, упишанная разпущен-
 нымъ мыломъ, выжимаясь надъ
 шѣломъ, покрываетъ его благо-
 вонною пѣною. Вспаешъ— и сре-
 брисшой пошоръ чистой воды упа-
 даетъ сверху, и пѣнистая струя
 сливается млечнымъ пошоромъ,
 ошавляя умышаго въ блестящей
 бѣлизнѣ!... Тутъ назираешъ онъ
 себя аромашами, кошорые шощ-
 часъ всасываются разкрышыми
 порами: все шѣло благоухаетъ!—
 Но этого не довольно: онъ разки-
 дывается опяшь на кучахъ ду-
 шиспыхъ правъ. Въ эшо время

кошлы съ водою, снизу подогрѣваемые, вскипѣвъ до степени испаренія, распространяющъ повсюду влажный шуманъ. Вся баня наполнена парами, и парящійся окружаешься, спѣсняешься, окушываешься росоносными облаками... Въ темныхъ глазахъ его мерещущся ему, въ розовомъ сіяніи и въ свѣшлыхъ радугахъ, различные призраки. Онъ жадно проспираешъ обьяпія, и, подобно Иксіону, обнимаешъ— влажный дымъ!... Наконецъ, вырвавшись изъ нѣги, спѣшишь подъ шумящій водомешъ: посшепенная прохлада освѣжаешъ его силы и укрѣпляешъ духъ.

Новые испытатели природы, угадавъ тайны ея въ сосшавленіи минеральныхъ водъ, начали ей подражашъ ко благу немощнаго чшловѣчештва: искусшвенныя воды ни въ чемъ почти не ушшупающъ ешшешшвеннымъ. Съ чѣмъ сравнишь шѣ бани, гдѣ разслаблен-

ный спрадалецъ погружается въ теплыя ванны сославныхъ цѣлишельныхъ водъ, или чувствуетъ ихъ упадающими на члены, пораженные недугомъ, шумными благошворными пошоками или въ видѣ мѣлкаго дожда? Съ каждою каплею льется здоровье. Это живая вода, воскрешающая полу-мертвое тѣло!

Всѣ сіи бани прекрасны, полезны; но несравненно полезнѣе была бы баня: цѣлебница и тистилище души. Есльялибѣ какой нибудь благошворный духъ научилъ смертныхъ искусству омыватъ сердце отъ страстей и пороковъ. Съ какимъ воспоргомъ побѣждалъ бы я первой въ эту спасительную баню, и заплашилъ бы все, что имѣю, чшобы хотя разв омышься въ ней. — Пущь, сказалъ бы я, цѣлишельная струя исправленія испребилъ во мнѣ всѣ слабости, дурныя навьки, спрасши: ненависть, злобу,

мщеніе и зависть, шаящуюся всегда въ самомъ дальнемъ углѣ сердца. Пусть сильная рука *исправителя* сопретъ съ меня *грубую тешую порока!* Пусть *шайншвенная* мыла умягчитъ ожесточенное сердце; а рука *благошворительнаго попечителя* *умаститъ* его *небеснымъ елеемъ* *чувствительности и состраданія* къ ближнимъ, и напоитъ виномъ *умиленія*.— Тогда вышедъ изъ сей бани, окропленный *иссоломъ*, *убѣленный* *яко снѣгъ*— я бы сдѣлался *добрѣе, нѣжнѣе и чувствительнѣе!*— Тогда ни за что не отказалъ бы просящему нищему и, не называя его ни бродягою, ни шунеядцомъ, подѣлился бы съ нимъ послѣднимъ грошемъ. Тогда не презирлъ бы вдовы и сироты, и оставя *всѣ дома веселія и пиршествъ*, пошелъ бы въ *домъ плаги* *ушѣшашь* *спрадалцевъ*.— Но не одному мнѣ пригодилась бы такая баня; я думаю, что она нужна почти всѣмъ по-

шомкамб Адама и Ноя. Особливо необходима она тебѣ, корыстоплюбивой Богашонѣ, кошорой день и ночь, роясь, какб крошѣ, въ грудяхъ золоша, изсохъ и поблѣднѣлъ отб пожирающей себя спраши! . . . Какб удивился бы онѣ, вышедѣ изб чудесной бани, что сердце и руки его, замкнушыя скупосшю, вдругб раскрылись и богашства, погребенныя въ желѣзныхъ гробахъ, пошекли золошыми ручьями въ *Сиротскіе, Воспитательные, Инвалидные* и *протіе богоугодные дома*, и въ убогія лачушки, гдѣ часто скромная, но благородная бѣдность шомишя отб голоду, и—спрашася уничтоженія, не ходишѣ смывашѣ слезами прахъ у мраморныхъ крылецъ вельможѣ. Какб удивилася бы, въ свою очередь, вышедѣ изб бани молодая Плѣнира, — пишомица моды, — покрою нынѣшней одежды, кошорая шакб обнажаетб самыя сокровенныя преле-

спи! . . . Смывъ съ себя кокетство, притворство, ложную чувствительность, словомъ все, чѣмъ заражается невинность въ испорченномъ свѣтѣ; прохладивъ струями здраваго разсудка воспаленное романами воображеніе и чувства, и являсь съ чистымъ обнаженнымъ сердцемъ, она успрашилась бы наготы своего тѣла. И пошчасъ покрывала и косынки заслонили бы ошъ жадныхъ взоровъ дѣвственныя прелести, копорыя должны открываться одному только счастливому супругу. — Еслибъ, при томъ, какой нибудь благошворительной душевный врагъ изобрѣлъ цѣлительную воду для сердечныхъ ранъ: какая ограда пролилась бы въ души несчастныхъ, пораженныхъ спрѣлами рока, скорби, или безнадежной любви! . . . Тогда сѣшующіе спрадалъцы, испивъ изъ розовыхъ кашъ утѣшенія нѣчто подобное древнему

Нефетису (*), перемѣнили бы вѣчную, глубокую поску свою хопя на временную радость.— А естли бы нашлось в банѣ сей особенное опдѣленіе для *Авторовъ*, то первой я, ополоскав и вымыв начисто вкус свой, промѣнялъ бы мой нескладной, неровной и часто не къ спашу напыщенный слогъ на правильной, сильной, цвѣтущей... Пдѣнил бы я тогда всѣхъ, и благословлялъ бы чудесную баню, очищающую сердце, умъ и вкус!—

Мы были в помѣ Соборѣ, гдѣ собрано вѣками древнее богатство, гдѣ блестятъ дорогія ушвари и стоятъ ряды гробовъ. — На двенадцати шагахъ нащипали шесть гробницъ Великихъ Князей и Царей, управлявшихъ Россіею...

(*) *Гомеръ* говоритъ, что сей напшокъ имѣлъ силу приводить на нѣсколько дней в забвеніе всякаго рода горести.

И самъ *Димитрій Донской*, побив-
 шій до полу - милліона Татаръ,
 занималъ не болѣе двухъ шаговъ!!
 Какъ же гордишься намъ величіемъ!

Великолѣпныя похороны въ
 большомъ городѣ сославляютъ ра-
 зительную каршину. — Богатый
 гробъ знашнаго покойника, пред-
 шествуемый священниками, со-
 провождается толпою людей, (по-
 крытыхъ чернымъ съ головы до
 ногъ, съ погребальными въ рукахъ
 факелами), длинные ряды самыхъ
 модныхъ каретъ и колясокъ шя-
 нушя въ слѣдъ за гробомъ — и
 все это толпится сквозь народъ,
 кошорой ничего не замѣчая, шу-
 митъ, суешится и забошится...
 Иныя даже, прилѣвая и смѣясь,
 перебѣгають изъ улицы въ улицу
 впереди и позади гроба. Какая чуд-
 ная прошиву - положносшь жизни
 и смерши!

По прозѣбѣ П. И. зашли мы къ лучшему ваятелю поискашь боговъ Славянской Мифологіи. Намъ показали множество Аполоновъ, Флоръ, Венеръ. Послѣднихъ стоялъ цѣлой рядъ: Венера Медицинская, Капишолійская, Венера прекрасныхъ *Л. . . й* и проч. и проч. Но тамъ не было ни одной *Лады*, ни одной *Зимцерлы* и величественнаго *Радегаста*, блюстителя Славянскихъ градовъ, не видашь было тамъ. Для Рускихъ боговъ и формъ не было. Никому еще до сихъ поръ не приходило въ голову украсишь ими домъ или садъ свой.

Вошъ лики Волпера, Жанъ-Жака Руссо: они мраморные; а вошъ лучшей работы ликъ Наполеона. Но онъ здѣсь предсавленъ слишкомъ худощавымъ „Да, отвѣчалъ ваятель, брашъ мой, недавно возвратившійся изъ Парижа, говоритъ, что Императоръ гораздо полюбилъ.“ — Ошъ чего бы

полнѣшь челоѡвѣку, обремененному
шудами и забошами? — А мож-
ноль и не пополнѣшь тому, кшо
глошаеть царства и пожираеть
челоѡвѣчество! —

КАРТИНА МОСКВЫ.

Представьше себѣ старинную
каршину древняго Рускаго города,
вовсѣ почши спершую временемь,
и подновленную опчасши иску-
сною кистію и свѣжими краска-
ми. Вообразише смѣсь древнихъ
стѣнъ, старыхъ Гошическихъ ба-
шенъ, церквей, поросшихъ мохомъ,
и новыхъ великолѣпныхъ зданій,
прекрасныхъ площадей и булева-
ровъ. Развалины старинныхъ те-
ремовъ Боярскихъ перемѣшаны съ
пышными палашами вельможъ,
подлѣ которыхъ часто видишь
полу-испавшія лачужки. Вообра-
зише великолѣпіе щедрой древ-
ней позолошы и хипрое искусство
новыхъ наружныхъ украшеній,

вообразите священную мрачность древних храмов *Божіихъ*, и привлекательный блескъ новыхъ храмовъ *моды и вкуса*. Прибавьте къ сему совершенно вновь написанныя, и самыми прочными красками, полезнѣйшія зданія: Воспитательной домъ, Университетъ и Рускія Народныя училища; а въ разныхъ мѣстахъ разсѣянныя *модныя Французскіе Пансіоны*, нарисованные правда, самыми блестящими, но шаковыми, однакожъ, красками, кошорыя, подобно радужной пыли на крыльяхъ бабочки, отъ малѣйшаго прикосновенія спирающа: — (шакова и нравственностъ, въ нихъ преподаваемая!!!) Что касается до людей, то почти всѣхъ видимыхъ на сей картинѣ шѣла, одежды и, шакъ сказашъ, самыя души нарисованы совершенно новыми и новоизобрѣшенными красками. — Гдѣ, гдѣ мелькаютъ въ шуманѣ шаринныя Рускія бородачи

въ Рускихъ кафшанахъ... Руское гостепріимство еще довольно блестящъ безъ поновленія. Роскошь и мода недавно, но непоколебимо ушвердившія престолы свои, искусно представлены новѣйшими иноземными художниками. Все это кажется сошавишъ, естли не полную картину, то по крайней мѣрѣ вѣрной абризу нынѣшней Москвы.

Рускія и иностранныя лавки.

Между Рускими и иностранными лавками ша разница, что первыя по большой часи навѣщающія пѣшеходцами или пріѣхавшими на дрожкахъ; а послѣднія посѣщаемы особами, пріѣзжающими въ самыхъ блестящихъ экипажахъ.— Въ первыхъ всѣ шовары почишающія негодными; въ послѣднихъ превосходными: хоща часто многое шихомолкомъ переходишъ изъ Рускихъ лавокъ въ

иноспранныя. Но тогда уже каждая Руская лѣншочка, освѣщаясь прикосновеніемъ рукъ модной шорговки, спановишся вдвое дороже. Въ Рускихъ лавкахъ дорого запрашивающъ, но позволяющъ шорговашся сколько угодно и сбавляющъ цѣну; во Французскихъ что запрасятъ, то и давай: попробуй пошорговашся... назовушъ тебя грубымъ, непросвѣщеннымъ, Вандаломъ, сущимъ Рускимъ!!! Иноспранцы могутъ брашь съ насъ, что хошатъ: это право госшепріимства.— Какъ же смѣютъ защитники спарины увѣряшь, что у насъ нестало госшепріимства?— Спросите у Гна V*, у Гжи С*, у Аббата Q*, получавшихъ по двѣ, по шри и по пяти тысячъ рублей отъ вельможъ за то, чтобъ сдѣлашь дѣшей ихъ совершенно не-Рускими;— спросите у нихъ и подобныхъ имъ: естли въ Россіи госшепріимство?

ВОЗВРАТНОЙ ПУТЬ.

По дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ почти въ каждомъ большомъ селеніи находимъ прекрасной пракширъ. Мы останавливались въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Конечно здѣсь проходили плѣнные Французы?“ сказалъ другъ мой, — увидя всѣ сѣбѣны исписанныя Французскими стихами и прозою.

Нѣдѣ, это не плѣнные Французы; а Рускіе, которыхъ души въ полону у Французовъ, часто здѣсь проѣзжаютъ. Въ самомъ дѣлѣ любопышно осматривать сѣбѣны, испещренныя множествомъ поучительныхъ, страшныхъ, мрачныхъ, веселыхъ, хорошихъ и худыхъ изреченій; разныхъ стиховъ изъ Волпера, Руссо, Буало, Расина и проч. — Альбоумы въ модѣ, и проѣзжающіе вздумали сдѣлать альбомъ изъ пракширныхъ сѣбѣнъ. Однакожь благопрістойность, пересматривая сіи

спѣнные записки, многое бы должно сперешь и выскоблишь, чшобы невинность не имѣла причины, взглянувъ ненарочно на спѣну, сторгъшь отъ спыда.

Пифагоръ, приславъ къ неизвѣстному берегу, гдѣ нашелъ начертанныя на пескѣ Математическія фигуры, заключилъ и не ошибся, чшо тамъ живутъ любители наукъ. Чшо же должно заключишь, видя спѣны Рускихъ пракшировъ изчерченныя Французскими изреченіями?— Кое-гдѣ прокидывающяся спрочки Нѣмецкіе изъ Шиллера и Гете. Мы искали чего нибудь Рускаго, искали со свѣчей, и едва могли найши нѣчшо довольно забавное. Конечно какая нибудь веселонравная путешешвенница написала карандашемъ:

Здѣсь была,

Чай пила;

Кшо это была? ..

Въ низу подъ симъ вѣрно какой
нибудь спранспвующій рыцарь
устивости написалъ :

Кшобъ шы ни была,
Но вѣрно шы— мила!“

Должно признашья, что по
дорогѣ изъ Москвы путешествен-
никъ не встрѣчаетъ ни малѣй-
шихъ прижимокъ и припязаній со
спороны смопрителей на стан-
ціяхъ: показываеше подорожную
и шощасъ получаеше лошадей.

Въ семи версахъ отъ Клина
видѣли мы бумажную фабрику
(на рѣкѣ Сеспрѣ) Господина Кар-
цова. Каждое горизонтальное ко-
лесо приводишь въ движеніе нѣ-
сколько шестерней; сославъ кру-
жишя, гущѣешъ, и наконецъ, пе-
реходя въ большіе чаны, черпаешъ
опшуда проволочными форма-
ми, и выходишь въ видѣ бумаж-
ныхъ листовъ. — Изъ дрянныхъ,
сшаринныхъ вешошекъ, передѣ-

ланныхъ искусствомъ, составляется то, что такъ полезно, такъ необходимо въ общежитіи — бумага: воля превращеніе изъ худшаго въ лучшее!

На вчерашнемъ ночлегѣ, въ избѣ одного жишочнаго крестьянина, разговорились мы о злодѣйскихъ поступкахъ Французовъ въ Германіи. Молодая двенадцатилѣтняя дѣвочка вслушивалась въ разговоръ нашъ. „Ну чтобы вы сдѣлали, когдабы Французы пришли сюда?“ спросилъ одинъ изъ насъ. — И баринъ! — отвѣчала малюшка не запинаясь: да мыбы имъ злодѣямъдохнуть не дали; и бабы пошли бы на нихъ съ ухващами! О! и у насъ можетъ быть то, что въ *Испаніи*, подумалъ я.

На возвращномъ пути нашемъ погода была самая худая: дождь и снѣгъ по переменно падали. И мы подъ защитою одного

шолько зоншика, въ опкрышой почшовой повозкѣ, предспавляли изъ себя настоящихъ рыцарей *пегальнаго образа*. Между шѣмъ какъ сынъ щаспія мчишся на быспрой шеспернѣ въ покойномъ дормезѣ, и качаясь на гибкихъ Англинскихъ рессорахъ, чишаешъ ошъ скуки зашѣйливаго Сперна, или щеголевашаго Дюпаши,— мы шакже чишали равно опкрышую для ученаго и безграмошнаго, для Царя и нищаго, огромную книгу *Природы*.— Природа ешъ книга; буквы въ ней— предметы. Только эшо грамоша *Иероглифовъ*: шамъ одна буква изображаешъ много поняшій; здѣсь одинъ предметъ возбуждаешъ длинной рядъ мыслей. На примѣрѣ: изкорененный бурею дубъ, обрушившаяся гора, развалины палашъ: вошъ цѣлая *статья о плѣнности вещей*. Множеспвопней сосшавляющъ въ книгѣ *Природы главу объ олустошеніи*: большая частъ изъ нихъ срублены на

дрова и позжены адскимъ пламенемъ на шѣхъ заводахъ, гдѣ изъ самой драгоценной жишейской пошребности— изъ хлѣба извлекаешся, по словамъ Волпера: *смертное лишье*.— Ель и сосна, зеленѣющія одикаково лѣпомъ и зимою, предсавляющъ пріятнѣйшія для дружбы и любви *статьи о непрелѣнности, постоянствѣ и проч. и проч...*

Нѣшъ ничего пріятнѣе, какъ весенняя погода въ глубокую осень. Мы ѣхали изъ Твери во время пріятной опшепели, опкрывшейся послѣ нѣсколькихъ морозовъ. Время было почно весеннее; все шаяло вокругъ, ручьи съ громкимъ шумомъ перебѣгали черезъ дорогу... Мечпы и надежды, оживая вмѣстѣ съ природою, зашевелились въ сердцѣ — Весною, съ каждымъ глоткомъ воздуха — вдыхаешь какое-то удовольствіе!

Въ двадцати верстахъ отъ Спарицы стоишь подлѣ дороги домикъ въ лѣсу Господина Ев. . . . Въ его садахъ и во всемъ домоводствѣ видна зашѣйливая просота. Въ селѣ своемъ строишь онъ прекрасную церковь, совершенно въ Гошическомъ вкусѣ, изъ благаго камня и кирпичей. Онъ также большой охотникъ до строенія Механическихъ мельницъ и прочаго.

Какъ мы забрызганы! говорилъ другъ мой.— Чшо дѣлать! брызги — *летати дорожныхъ трудовъ*: ордена путешественниковъ.

Отъ Твери до Ржева большая дорога равняется проселочной: шамъ нѣшь ни почтовыхъ станцій, ни шракшировъ. Однакожъ мы имѣли *средство*, приправляющее чрезвычайнымъ вкусомъ и самыя просшыя щи бѣдныхъ кресшьянъ: эшо средство можешъ

имѣшь всякой, даже самой убогой путешественникъ. Можетъ быть подумаешь, что я говорю о извѣстномъ Французскомъ сосисѣ для дорожнаго бульона; совѣмъ нѣтъ! — средство, дѣлающее вкуснымъ, самую грубую пищу есть: *голодъ!* Лучшая постель для дорожнаго — *усталость!*

Сынъ нѣги и прокладъ! ты назовешь это замѣчаніе вздорнымъ; но, заглушивъ природу роскошью, ты самъ часто и на розовой постелѣ своей, и на гагачьемъ пуху проводишь *рябиновую ночь!*

Н А С Л А Ж Д Е Н І Е .

Всѣ почти умѣютъ наслаждаться весенними днями, разцвѣщающею природою, журчаніемъ веселыхъ ручьевъ; но мы испытали, что можно наслаждаться и осенью, сходя на высокихъ берегахъ рѣки — (мы были на берегахъ Волги) — и смотря, какъ буря

пѣниспыми браздами роешъ по-
верхность водъ и завываетъ въ
шуманыхъ!...

Доброе дѣло всегда и вездѣ до-
спавляетъ пріятнѣйшее наслаж-
деніе. Сонъ и покой послѣ шу-
довъ, теплая комната послѣ хо-
лода, сытный столъ для голод-
наго — доставляютъ наслаженіе.
— И по всѣмъ эшимъ отношені-
ямъ путешествіе, какъ бы оно
шудно ни было, есть также на-
слаженіе! *Морицъ* изходилъ почти
всю *Англію* пѣшкомъ: онъ пошѣлъ,
шудился и — наслаждался!

Руской крестьянинъ **Философъ**.
Иванъ Евстратьевичъ Свъшниковъ.

„Воспишаніе можетъ раскрыть
и возвыситъ способности обык-
новеннаго чловѣка; необыкно-
венные люди сами себя воспишы-

вающъ.” — Такъ говоришь Томасъ въ похвальномъ словѣ своемъ Декаршу. Въ необыкновенныхъ людяхъ есть какое-то особенное стремленіе къ изящному. — Хоть, по словамъ Шиллера, достоинство и дарованіе, возникшее въ бѣдности, должно пробиваться сквозь желѣзную стѣну предрасудковъ и отливъ общественныхъ: однако опышь доказываешь, что рано или поздно преодолеваетъ оно всѣ препоны и пролагаетъ себѣ путь къ извѣстности. Кто бы могъ подумать, увидя сына проспаго рыбака, сидящаго на дикихъ скалахъ Бѣлаго моря, что онъ будетъ нѣкогда знаменимымъ сыномъ Россіи, великимъ мужемъ, — славнымъ Ломоносовымъ! — Никто не предузнавалъ Механика и Химика въ сынѣ Ржевскаго купца Волоскова. Но оба они — первой подѣ шумомъ Сѣвернаго моря; другой въ тишинѣ Ржевскихъ рощей, — старали сильною спра-

спію кѣ ученію. Еще на зарѣ жизни, ощуця въ себѣ безцѣнные дары природы, сквозь всѣ препяшствія спремилсь они кѣ усовершенствованію оныхъ. — *Свѣшниковъ*, едва ли кому извѣстный, достоинъ также занимать мѣсто въ ряду отличнѣйшихъ мужей отечества нашего. Природа, производящая необыкновенныхъ людей, кажешся, при самомъ рожденіи посѣяла и въ немъ сѣмена великихъ дарованій. Онъ, подобно Ломоносову, родился въ крестьянскомъ званіи: способности его разцвѣтали на поляхъ родины, гдѣ онъ пасъ стада своего отца. Но прежде всякаго повествованія о жизни *Свѣшникова* необходимо слѣдуетъ описатьъ случай, сдѣлавшій извѣстнымъ и дарованія и особу его.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, вельможа щасливаго вѣка премудрой Екатерины, достойный названія Россійскаго Меленаша,

имѣлъ похвальный обычай, скрывая санъ свой, прогуливаясь по ушрамъ на площадяхъ и рынкахъ Санкшнпешербургскихъ, гдѣ наиболѣе народъ шолпился. Народныя площади, во всякое время могутъ представить много предметовъ къ размышленію переодѣшному государственному чловѣку.

Въ одно утро, проходя Щукинъ дворъ, примѣшилъ онъ молодого креспьянина, заняшаго разборомъ книгъ близъ одной изъ шѣхъ лавочекъ, гдѣ продаются на рогожкахъ подержанныя книги. Переодѣшый вельможа, увлекаясь любопытствомъ, подошелъ къ лавчкѣ — и вообразиле его удивленіе: вмѣсто какого нибудь *Бовы Королевита*, онъ видилъ въ рукахъ креспьянина: *Ливія, Тацита* и *Курція на Латинскомъ языкѣ!*.. Молодой креспьянинъ обходился съ шремя Латинскими писателями, какъ съ давнишними своими знакомцами. Наконецъ,

окончивъ торгъ съ продавцомъ великихъ Испориковъ, взявъ онъ всѣ книги подъ мышку, и пошелъ по Чернышевскому переулку къ Фонтанкѣ.

Любопышной вельможа скорыми шагами преслѣдуетъ его, догоняетъ въ переулокъ, и заводитъ разговоръ. „Послушай другъ! не продаешь ли книгъ?“ — Нѣтъ, сударь! я ихъ купилъ для себя. — А какія это книги? .. позволь мнѣ посмощрѣть! — Извольте, коли вамъ угодно. — Вельможа прищворно: „эшо кажешся по-Французски?“ Нѣтъ, баринъ! эшо Лашинскія книги. — „А развѣ ты знаешь по Лашыни?“ — Да, немало смыслю про себя. — Шуваловъ, крайне изумленный споль удивительною встрѣчею, и не довѣряя, чшобы крещьянинъ могъ знать хорошо Лашинской языкъ, продолжаетъ у него спрашивать: „О чемъ же въ сихъ книгахъ писано?“ — Вотъ въ эшой,—

показывая на Ливія — Римская Испорія; здѣсь, — раскрывъ Тацита — заключающія Римскія лѣтописи; а въ сей книгѣ, — указывая на Курція, — писано объ Александрѣ Великомъ. — „Видно книги эти давно тебѣ знакомы, и ты разумеешь все, что въ нихъ писано?“ — Э, баринъ! ешьлибѣ неразумѣлъ, не за чемъ бы и покупать было: я читывалъ ихъ еще въ ребячествѣ, когда пасъ стадо; но то были чужія книги, а теперь, слава Богу, прискалъ эти для себя. — „Да скажи пожалуй, кто ты таковъ?“ — Я крестьянинъ экономическихъ волостей Тверской губерніи. — Опившъ сей еще болѣе изумляетъ Шувалова; онъ непременно хочешь познакомиться короче съ симъ чудеснымъ крестьяниномъ и завесилъ его къ себѣ въ домъ.

„Послушай другъ! говоритъ Иванъ Ивановичъ:“ я вижу твою охоту къ книгамъ и могу тебѣ

прислужись. Опець мой былъ школьнымъ учишелемъ; послѣ него оспалось много Французскихъ, Лашинскихъ, и еще кажешся какихъ-шо Греческихъ книгъ; зайдико мнѣ въ домъ—ошсюда недалеко—я шебѣ многія книги за сходную цѣну, а иныя, пожалуй, и даромъ усшуплю.”—Ученый крешьянинъ, восхишясь шоль легкимъ способомъ разжисья книгами, согласился на предложеніе. Между шѣмъ они пришли къ Аничкову мосту. Шуваловъ нарочно заговариваетъ своего сопутника, и нечувшвишельно приводитъ къ своимъ палашамъ. Увидя огромный домъ, крешьянинъ все еще не догадывался, полагая, что провожашый его можешъ бышь шолько живешъ при знашномъ господинѣ. Но когда взошли на лѣстницу, и слуги въ золошѣ сѣ подобоспращіемъ сѣшшили еняшъ сѣ господина своего просшой сершукъ, подъ кошорымъ ошкрылась

лѣнша и заблнспали звѣзды— тогда изумленный креспьянинѣ догадался, что имѣлѣ дѣло съ вельможею!— Но великодушнѣй вельможа сей, ни мало не перемѣняя обхожденія, осыналѣ ласками новаго своего знакомца, и чрезѣ длинный рядѣ великолѣпныхѣ комнашѣ ввелѣ его въ свою бнбліошеку. Тамѣ-шо изумленіе молодаго креспьянина успушило мѣсто любопышсшву: глаза его, такѣ сказашь, разбѣжались во всѣ спороны. . . .

Иванѣ Ивановичѣ далѣ ему полную свободу перебирашь книги; и въ шо же время, обращающа разговорѣ на разные предметы, къ удивленію своему узналѣ, что новой знакомецѣ его, сверхѣ Латинскаго языка, разумѣетѣ хорошо Французской, и даже Греческой изрядно; довольно свѣдуещѣ въ чнспшой Математикѣ и Географіи, а болѣе всего въ опечеспвенной словесности. Гдѣ же могѣ прн-

обрѣсти всё сіи познанія простой Руской крестьянинѣ, не будучи ученикомѣ Французскихѣ воспитателей?— На это опять отвѣчаю словами Томаса: что необыкновенные люди воспышывающѣ или перевоспышывающѣ сами себя;— прибавимѣ къ сему: а учаща вездѣ, гдѣ только могутѣ. Свѣшниковѣ былѣ воспитанникомѣ природы; ученикомѣ— собственнаго прилѣжанія. Начала Латинскаго и Греческаго языка, какѣ думающѣ, получилѣ онѣ отъ какого-то священника, у котораго вѣроятно находился вѣ услуженіи; а Математикѣ и Французскому языку еще прежде училѣ его какой-то бѣдной Спудентѣ, съ копорымѣ нарочно для того свелѣ онѣ дружбу; прочіяжѣ познанія почерпнулѣ изѣ безпрестаннаго чтенія книгѣ.— Многие иносстранные классическіе, и большая часть лучшихѣ опечесвенныхѣ Авторовѣ перечисланы имѣ съ глубокимѣ вниманіемѣ.

Шуваловъ, возхищенный учено-
стїю крещянина, предлагаетъ
ему выгодное мѣсто въ Москов-
скомъ Университетѣ; но добро-
сердечной Свѣшниковъ, безъ вся-
кихъ околичностей, отказываетъ
ся отъ сего лестнаго предложенія,
говоря, что по смерти отца обя-
занъ доставлять пропитаніе мно-
гочисленному семейству и пре-
спарблѣй мащери.

Иванъ Ивановичъ полагая, что
время и свѣтская жизнь переме-
няютъ его склонности, предложилъ
ему домъ свой и полную свободу
рыться въ огромной библіотекѣ:
послѣднее склонило крещянина
остаться въ чертогахъ вельможи.

Между тѣмъ Шуваловъ, доро-
жа находкою столь рѣдкаго чело-
вѣка, изъ кошораго надѣялся сдѣ-
лать вшораго Ломоносова, не
могъ скрыть удовольствія своего
и въ блестящемъ кругу придвор-
ныхъ. Многие слушали рассказъ
о крещянинѣ съ недоуврчиво-

спію, и шушыя говорили: „Иванъ Ивановичъ и въ сору умѣешь находить алмазы!“ — Болѣе всѣхъ извѣвила любопытства бывшая тогда Директоромъ Академіи Наукъ Кашерина Романовна Дашкова. Знаменишой покровитель дарованій, желая подшвердить слова свои опытомъ, пригласилъ многихъ вельможъ на другой день къ себѣ на вечеръ.

Начался свѣздъ; гости являлись одни за другими. — Наконецъ пріѣхала и Княгиня Дашкова. — Войдя въ комнату пошъ часъ спросила она съ нешерпѣніемъ у хозяина: „гдѣ же швой чудной крешьянинъ?“ — Скромный Свѣшниковъ явился къ Ея Сіапельшву. „Здравшвууй дружокъ! сказала она съ живоспію — говоряшъ, что ты знаешь по Гречески, по Латинѣ и по Французски? — Да, сударыня! про себя всего по немногу разумѣю. — Хорошо; переведи же намъ что ни-

будь! — Тутъ, взявъ одну книгу изъ лежавшихъ на столѣ Руссо-выхъ твореній, назначила ему мѣсто для перевода. Свѣшниковъ переводилъ изъ-успшно, нимало ни въ чемъ не запрудняясь. Точность и правильность перевода увѣрила всѣхъ, что онъ очень хорошо зналъ и свой, и Французской языкъ.— Ну, дружокъ! какъ тебѣ нравится эшошъ сочинитель? Не правда ли, говорила Княгиня, что онъ пишешъ очень красиво?— Да, отвѣчалъ кресьянинъ: Руссо самой краснорѣчивой писатель: онъ хоть кого обворожитъ! Всѣмъ бы хорошъ былъ, только часто сбиваешся съ пуши, много забываешъ несодѣяннаго . . . . . Такое сужденіе еще болѣе всѣхъ удивило.— А можешъ ли доказать намъ, возразила Княгиня, въ чемъ именно онъ ошибаешся?— Свѣшниковъ нѣсколько призадумался. Наконецъ застѣбчивость его исчезла, глаза за блисшали, и краснорѣчіе

полилось... Онъ по порядку разбиралъ разныя произведенія Руссо, и во многихъ мѣстахъ съ такою основательностію доказывалъ несбыточность прелестныхъ мечтаній Женевскаго Философа, что и самъ Руссо полюбовался бы сельскимъ прошивоборникомъ своимъ! Тутъ открылось пространное поле для испытанія крестьянина-Философа.

Всѣ знашныя особы на перерывѣ осыпали его различными вопросами, и Свѣшниковъ давалъ всѣмъ скорые и правильные отвѣсы, кошорыми и убѣдилъ знаменитыхъ собесѣдниковъ своихъ, что они точно видятъ предъ собою человека рѣдкихъ дарованій. Княгиня Дашкова тутъ же предлагала ему почешное мѣсто въ Академіи Наукъ; но добродушной Свѣшниковъ опять отказался: „не о почестяхъ думаешь тому, Ваше Сіяшельство! у кого на рукахъ цѣлое семейство: я учусь для за-

бавы; а шрудисься долженъ для пользы кровныхъ моихъ!”

Въ сіе же время находился въ Пешербургѣ и знаменишый любитель всѣхъ умныхъ, рѣдкихъ и необыкновенныхъ людей — Князь Потемкинъ. Извѣспясь молвою о Свѣшниковѣ, Князь призываетъ его къ себѣ, заводитъ разговоръ, и дальновидной вельможа пошчасъ открываетъ въ немъ чело-вѣка, заслуживающаго особеннаго вниманія. Два раза въ недѣлю сходились у Князя ученые люди: ему крайне пріятно было видѣшь въ комнашѣ своей собраніе всѣхъ умныхъ головъ цѣлой столицы. Покоясь на богатомъ диванѣ, грызя ногши, и мечшая о покореніи обласшей, онъ самъ иногда вмѣшивался въ общій разговоръ для того только, чшобъ обратишь его искуснымъ образомъ на желаемой предметъ. Но по большой часши молчалъ, слушалъ — и многому научался. Въ сіи ученые бе-

сѣды приглашаемъ былъ и Свѣшниковъ. Въ одно время, — когда Князь начиналъ уже дремать, слушая сердшой споръ двухъ Машемашиковъ о кривизнѣ параболы — вдругъ предложенъ былъ въ другомъ углу вопросъ: „какому языку шруднѣе научишься?“ — Всякой говорилъ свое; но ученому Еврейскому Раввину хошѣлось всѣхъ переспорить: онъ утверждалъ, что изъ древнихъ и новыхъ ишѣ шруднѣе языка Еврейскаго. — Свѣшниковъ не выдержалъ, и всступилъ съ нимъ въ жаркой споръ. Онъ опровергалъ мнѣніе Раввина, доказывая, что языкъ Евреевъ почти уже изшребленъ временемъ, а въ оставшихся книгахъ едвали можно нащипать теперь до чешырехъ шысячь словъ. Раввинъ упоршвовалъ, представляя шрудность Еврейской Грамматики; но Свѣшниковъ остано-вилъ его совершенно, объявивъ всему собранію, что ежели на-

учашъ его только чашать, то онъ общаетъ самъ собою выучишься Еврейскому языку въ полгода. — Опважное предпріятіе! воскликнуло нѣсколько голосовъ. — Ура, Свѣшниковъ! исполашъ шебъ! воскликнулъ и восхищенный Князь, прислушавшись въ споръ его съ Раввиномъ — Эшо впрямь по Русски: ты хочешь взять шшурмомъ всю Еврейскую мудросшь! — Ободренный вниманіемъ Князя, Свѣшниковъ просилъ позволенія приступишь къ дѣлу. Раввину приказано учишь его чашать, и Свѣшниковъ — въ корошкое время — чашалъ совершенно.

Тутъ купилъ онъ себѣ Еврейскую Грамматику на Лашинскомъ языкѣ и лучшей словарь съ Лашинскимъ же переводомъ. Рѣшишельность его увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ. Въ корошкое время онъ начиналъ уже разбиратъ Библейскія книги. Однимъ словомъ: быспроумный Свѣшниковъ равно

черезъ пол-года явился къ Князю съ требованіемъ, чшобъ испышались его при всемъ собраніи. Ученому Еврею поручено было сдѣлать сіе испышаніе въ присушствіи Архимандрита Моисея Гумилевскаго, имѣвшаго основательное познаніе въ Еврейскомъ языкѣ. Раввинъ, котораго самолюбіе было оскорблено, старался предлагать самыя шрудныя мѣста: онъ разкрывалъ Библію, Талмущъ, разныя молишвенныя книги — и ничѣмъ не могъ зашруднить Свѣшника, которой, сверхъ исправнаго перевода, во всемъ давалъ вѣрный опчетъ. И шакъ, по чистосердечному признанію самаго Еврея и свидѣтельству Архимандрита, Свѣшниковъ въ полномъ смыслѣ сдержалъ свое слово. — При семъ случаѣ Свѣшлѣйшій Князь, въ знакъ благоволенія своего, излилъ на него нѣкошорыя милосши. — И Пошемкинъ, всегда любившій окружаешь себя умными

людьми, предлагалъ въ свою очередь чины и почести Свѣшникову, съ условіемъ, чтобы онъ навсегда при немъ оспался.— Но Свѣшниковъ, не будучи честолюбивымъ мечшашелемъ, съ прежнимъ постоянствомъ отказался бы и отъ сего лестнаго предложенія, еслибы Князь не убѣдилъ его ѣхать съ нимъ въ Таврическую обласшь; — надъ которою сдѣланъ былъ Главнокомандующимъ, — обѣщая доставить ему всѣ способы къ содержанию его семейства. Вскорѣ Пошемкинъ отправился въ Тавриду для исполненія великихъ предназначеній Великой Екатерины. Свѣшникова везли въ великолѣпномъ его обозѣ. Въ Херсонѣ пріѣхалъ онъ благополучно; но шамъ занемогъ горячкою и—умеръ. Можешъбышь непрерывныя умшвенныя занятія, или переменна климаша были причиною преждевременной смерти сего рѣдкаго челоѣка.

Къ чести Свѣшникава не должно умолчать и о томъ, что онъ умѣлъ быть благодарнымъ въ первому взыскавшему его покровишелю. Живя въ домѣ своего Мещенапа, онъ жершвовалъ ему шѣмъ, что для него было всего дороже—временемъ. Принявъ на себя обязанность выучиться Еврейскому языку въ полгода, какъ ни дорожилъ онъ каждою минушою, но не упускалъ однакожъ дня, чтобъ не посвятивъ одного или двухъ часовъ въ угодуносшь своего благодѣшеля, копорому хошѣлось разкрышь въ немъ всѣ его способности. При томъ не переспавая занимаешь и торговыми дѣлами, по копорымъ прѣхалъ въ столицу, велъ онъ переписку съ своимъ семействомъ.

Свѣшниковъ, не хошѣвшій принять никакихъ почестей, и оплатчій, при раза отказавшійся отъ лестныхъ предложеній прехъ знаменишыхъ особъ, сохранялъ всегда

въ нравахъ своихъ совершенную простоту. Онъ никакъ не соглашался занять предлагаемыхъ ему убранныхъ покоевъ; а мѣстился въ шѣсной комнашкѣ, и спалъ на простомъ войлокѣ. Камердинеръ, котораго Шуваловъ за нимъ посылывалъ, заспавалъ его всякой разъ сидящаго на полу на разоспланномъ крестьянскомъ кафшанѣ, обкладеннаго книгами. Не шакъ ли и пастухъ Маншуйанскій — Виргилій, въ домѣ Мецената и въ чертогахъ Августа, во всю жизнь свою не измѣнялъ простоты нравовъ среди всѣхъ заразъ роскоши и величія? — Можно сказать, что простота есть ближайшая родственница ума и дарованій.

Шувалову очень хотѣлось сдѣлать Свѣшниковъ Стихошворцемъ; дано было два мѣсяца на испытаніе — и Свѣшниковъ, по исшеченіи оныхъ, объявилъ опкровенно, что сколь ни лестны для всякаго вѣнцы Парнасскіе, од-

нако онъ не чувствуетъ въ себѣ доспапочныхъ силъ и жару стихотворнаго. — Природа надѣлила его преимущественно способностями къ глубокомысленнымъ познаніямъ: его воображеніе не имѣло Психическаго паренія.— Впрочемъ, пѣняясь славою великаго Ломоносова, Свѣшниковъ хотѣлъ непременно, исключая Поэзіи, идти во всемъ по его стопамъ. Онъ не преминулъ даже подражать ему и въ мозаическихъ работахъ. Но мозаикъ Ломоносова, какъ искуснаго Химика, состоялъ изъ разноцвѣтныхъ, спавленныхъ имъ самимъ камушковъ; а Свѣшниковъ дѣлалъ свои картины изъ соломы и цвѣтныхъ мховъ—и дѣлалъ ихъ очень удачно. Три небольшія картины сего новаго мозаика заслужили всеобщее одобреніе, хотя и были еще только первыми опытами. Двѣ, представляющія перспективныя виды, спавлены были между

лучшими произведеніями въ домѣ его покровителя; а первоначальная, изображающая какой-то сельской видѣ, доспалась Смол. Гимн. Дирекш. Г. Лю. . . му, у кошораго она и теперь хранилась за рѣдкость. — Шуваловъ съ сердечнымъ прискорбіемъ разпросился съ Свѣщниковымъ, и желая передать черпы сего удивительнаго челоуѣка попомшву, приказалъ снять съ него портретъ. — Портретъ сей при жизни Ивана Ивановича всегда стоялъ наряду съ изображеніями знаменитѣйшихъ мужей въ свѣтѣ; онъ и теперь долженъ находиться у наслѣдниковъ Шувалова. — Еслили согласимся съ мнѣніемъ очень умнаго Аббаша Сабашье, увѣряющаго, что умъ есть самой неоцѣненной даръ для челоуѣка; что онъ есть даръ, пригодный ко всему, всегда и вездѣ: въ уединеніи, въ большомъ свѣтѣ, въ пустынѣ и на моряхъ; что званіе

умнаго челоуѣка должно бышь пред-
почтено всѣмъ пышнымъ званіямъ
и шиламъ, изобрѣшеннымъ че-
столиемъ и гордосшію; что ум-
ные люди суть любимѣйшія дѣши
Неба и полезнѣйшіе граждане зем-
ли: ешьли вѣришь, говорю я,
всему эшому, шо Свѣшниковъ,
кошорой, какъ видис, былъ очень
умень— безспорно заслуживаетъ
и въ потомствѣ того же почше-
нія, какимъ удостоили его зна-
менишѣйшіе его современники.
Пріятнобъ было видѣшь пор-
шрешъ его выгравированнымъ,
чтобъ Руской ошецъ воспишатель,
говоря о самородныхъ дарованіяхъ
отечества нашего, могъ указашъ
сыну своему изображенія Ломо-
носова, Волоскова и Свѣшникова.

Иванъ Евспратьевичъ Свѣшни-
ковъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ
въ 1784 году, въ весеннее время,
на баркахъ съ хлѣбомъ изъ Выш-
няго Волочка или Новаго Торжка.
Онъ уроженецъ Тверской губерніи;

но едвали кому извѣстенъ въ ней. Волосковъ той же губерніи, будучи и городскимъ жителемъ, долго оспавался въ неизвѣстности. — Въ заключеніе замѣшимъ, что и Свѣшниковъ воспитанъ былъ въ закоренѣломъ расколѣ; но чтеніемъ многихъ священныхъ книгъ и здравымъ разсудкомъ выведенъ изъ онаго. Онъ выдержалъ много жаркихъ прѣній съ раскольниками въ присутствіи знашнѣйшихъ вельможъ.

Р. С. Многими свѣденіями о Свѣшниковѣ обязанъ я двумъ почтеннымъ особамъ: въ Смоленскѣ — Льву Федоровичу Л* д* х* вск. му — а въ Петербургѣ: — Л* в* н* ч* б* к* ш* в* — кошорые, находясь при Шуваловѣ, имѣли случай узнать всѣ подробности о жизни и дарованіяхъ Рускаго ученаго крестьянина.

Нѣсколько словъ о садахъ (*).

Лучшіе сады суть сколки съ природы. Испинный охошникъ до садовъ долженъ бытъ спраснымъ любилелемъ оной. — Люди, одаренные счастливою способностію ощущають живо всѣ впечатлѣнія предметовъ, прогуливаясь въ различныхъ мѣстахъ, и повѣряя сердце свое, замѣтили, что ощущенія измѣняются вмѣстѣ съ переменною мѣстѣ. Тамъ, на примѣръ, гдѣ древніе скалистые утѣсы, изрытые осенними пошюками, нависли надъ пропащами, въ которыхъ безпрестанно, слышится глухое журчаніе водъ; тамъ, гдѣ древнія сосны полуобнаженными корнями едва держатся на прилѣпѣ въ песчаныхъ берегахъ,

---

(*) Это написано было для покойнаго П* И* Д* во время крашкого пребыванія моего во Ржевѣ и у него.

и со скрыпомъ изгибаются подъ
 вѣтрами, разнообразно свисля-
 щими въ ихъ иглистыхъ кудряхъ,
 шамъ челоуѣкъ невольно погру-
 жается въ задумчивость. Но войдя
 въ долину, пересѣкаемую множе-
 ствомъ кристаловидныхъ ручьевъ,
 которыхъ берега синѣютъ незабу-
 дотками, вспрѣчая повсюду цвѣтъ
 надежды, и вдыхая съ теплымъ
 воздухомъ благоуханіе цвѣшовъ,
 челоуѣкъ гуляющій невольно и
 самъ разцвѣшетъ сердцемъ, и
 улыбнется вмѣстѣ съ природою,
 привѣщивуя румяную весну. —
 Желаніе подражать природѣ по-
 дало мысль къ заведенію первоначальныхъ садовъ, разумѣется не
 плодовицыхъ, которые конечно,
 спали извѣстны съ того вре-
 мени, какъ люди переселились изъ
 лѣсовъ въ хижины. Первой люби-
 тель природы, желая имѣть чаще
 передъ глазами то, что его нѣко-
 гда восхищало, очистилъ зеленой
 лужокъ; насадилъ рощицу изъ мо-

лодыхъ липъ, березокъ и спройныхъ пополей; провелъ ближній ручеекъ различными изгибами чрезъ свою рощицу; насадилъ и насѣялъ множество полевыхъ цвѣшовъ; приманилъ зернами пшичекъ, и такимъ, или подобнымъ сему образомъ, разведенъ былъ первой *веселой садикъ*. Другой, болѣе склонный къ уединенію, къ мрачной задумчивости, можешъ бышь бывшій иѣкогда игрою сильныхъ спрасшей,— избралъ мѣсто для саду недалеко опшуда на крушомъ берегу лѣсисшаго оврага. Тамъ, прислоня хижину свою къ дикому ушесу, иѣсколько пониже елей и соснѣ, издавна на немъ выросшихъ, насадилъ надъ самымъ пошокомъ, соспавленнымъ изъ горныхъ ключей, *вѣтлыхъ ивѣ* и березъ; а на скашѣ полугоры желомустовыхъ кустъевъ. Соловей и прочія пшицы, любящія уединеніе, свили шамъ гнѣзда. Пустынный хозяинъ, любилъ

шумныхъ водъ, въ концѣ оврага занялъ небольшую площадку; а въ разныхъ мѣстахъ пропоя навалилъ кучи разноцвѣтныхъ камней, изъ чего составились *искусственные пороги*. Въ утесахъ скалъ сдѣлалъ онъ нѣсколько пещеръ, уединенныхъ гротовъ, убравъ ихъ мохомъ и раковинами. Въ самой глуши, между дикими расщѣпями: *песпрюю радужною осокою и панорошью съ зелеными кудрями*, часто мелькала алая роза, или, съ восклоненіемъ высокаго стебля, *смошрѣлась въ горный колодезь бѣлая лилей*.— Казалось, хозяинъ сада хотѣлъ чрезъ это дать чувствовать, что часто такъ и въ жизни нашей *алая радости и невинныя забавы* мелькаютъ между дикими щерпями скорби!— Въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ подѣланы дерновыя скамьи. Подъ шумнаго порога, на зеленѣющемъ холмикѣ, мелькала сквозь сумраки сѣянныхъ шѣней бѣлая

урна, на которой свѣшилась золотая надпись.— Тамъ посажены: *однодневная роза* и согбенная въ видѣ полу свода *вѣтлая ива*. Первая изображала собою крапковременность жизни, минушной блескъ молодости; вторая въ ранніе часы утра роняла крупныя капли росы, которыя, въ видѣ свѣшлаго дождя, сыпались на урну, и по этому подруга однодневной розы прозвана: *плачущею ивою*.— Въ тихія полу-прозрачныя ночи, когда природа не спитъ, а только дремлетъ, живель хижины съ восхищеніемъ смотрѣлъ на блескъ ручьевъ, осребренныхъ луною; внималъ свисту соловьевъ, спенящему голосу перепеловъ и журчанію водъ. И въ пасмурные дни глубокой осени, когда деревья обнажались, хрупкій листъ шумѣлъ подъ ногами, и ручей, расширенный осенними дождями, урчалъ въ пѣнистомъ шеніи своемъ, и взлетая на верхъ

брызжащими водомешами, ревѣль въ порогахъ, *пустынникъ* любилъ сидѣшь въ *дикомъ саду своемъ*. Онъ любилъ сморѣшь на увядающую зелень и лисья, воспоминаая, что всѣ *радости жизни его* увядали, какъ они! Любилъ онъ наслаждашься бурнымъ кипѣніемъ волнъ, представляя живо то время, когда страсти, подобно имъ, кипѣли въ его сердцѣ. . . Такимъ образомъ *устроенъ былъ и дикой унылой садъ*. Въ послѣдствіи, кшо имѣешь, будучи богаче силами и способами, набросилъ чрезъ глубокой оврагъ *летучій мостъ*, и соединивъ чрезъ то *унылое мѣстоположеніе* съ *цвѣтущею рощицею*, проложилъ множество извивистыхъ дорожекъ для прогулки, обнесъ все вокругъ заборомъ изъ корней древесныхъ, а входъ сдѣлалъ сводомъ изъ ушлыхъ пней, дерну и моху. И такимъ образомъ составилъ первой, сняшой

св природы, называемый у насъ шеперь Аглинскимъ, садъ.

Такъ, первые успроишли садовъ во всемъ подражали одной природѣ.— Примѣчено въ лѣсахъ, что деревья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сплешая вершины свои, сославляють пріятныя для взора кущи, между шѣмъ какъ другія, рѣдѣя и свѣшясь насквозь, едва покрывають зелень легкою шѣнію. И въ садахъ старались соблюсти повсюду смѣшеніе, или, лучше сказать, бореніе свѣта со тьмою. Старались, чтобъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мракъ преодолавалъ свѣтъ, и сгущался подъ навѣсомъ семьянистыхъ березъ; а въ прочемъ повсюду свѣтъ торжесшествовалъ бы надъ тьмою, и спруился по зеленѣющимъ лугамъ.— Но первые садовники, пересаживая деревья, конечно св препешомъ осмѣливались только иногда обрывать усохшій, или слишкомъ изкривленной сучъ: они спраши-

лись обезображивающаго природу искусства, *стричь и брить прекрасныя, высокія ели и густыя липы.* Въ послѣдствіи прихотливое воображеніе Италіянскихъ вельможъ вздумало перемудрить природу, изгнало просошу изъ садовъ своихъ и загромоздило ихъ множествомъ *вытуровъ* и зашѣйливыхъ *прудовъ*, копорыя только съ перваго раза бросающся въ глаза, никогда не улаждающа сердца. Тамъ-то на гладкомъ полѣ, копорое любопышной взоръ въ минушу можешъ обняшъ, разсажены были, различнымъ образомъ изуродованныя деревья, похожія болѣе на дѣтскія игрушки, нежели на тѣ многолиственныя древа, копорыми восхищаемся мы въ дикихъ садахъ природы. Тамъ же, вмѣсто живыхъ ручьевъ, накопили множество каналовъ; вмѣсто озеръ — разныхъ *фигурныхъ прудовъ*. Повсюду видны были невольнаго шекущія и невольнаго падающія

воды. — Весною дѣло шло кое-какъ ; но въ лѣтніе жары вода, не имѣя движенія, а слѣдовательно и жизни, задхнулась въ преузорочныхъ берегахъ своихъ, и покрылась гнилью и плѣсенью. Желая сдѣлать гладкое мѣсто положеніе гористымъ, съ великими издержками и съ изнуреніемъ силъ многихъ бѣдныхъ работниковъ, насыпали не горы, и даже не холмы, а какія-то округленные и обшесанные, какъ будто изъ шѣста спеченныя, горки. Ихъ одѣли въ дерновое плашье и думали, что произвели чудо! — Но въ самомъ дѣлѣ такихъ, какъ эти руководѣльныя горки, въ природѣ и съ фонаремъ не найдешь. Въ природѣ все величественно, и самая дикость ея великолѣпна и прекрасна. . . Такъ, священная природа! горы твои высоки, рвы глубоки, проласты неизмѣримы, и лѣса темны и обширны! . . . Часто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчающся намъ небольшія воз-

вышенія, называемыя курганами. Древнѣйшіе изъ нихъ сушь при-
 зны, или насыпи, сдѣланныя во
 времена языческава надъ могила-
 ми вождей и правителей наро-
 довъ. Прочіе почищаются при-
 знаками производившихъ не въ
 самыхъ давнихъ временахъ сра-
 женій. Если шакіе курганы слу-
 чаются къ спашѣ, то ихъ очень
 позволишельно включають въ ди-
 кой садъ.— Многіе любяють укра-
 шать сады свои развалинами: при-
 остановимся на эшомъ. Человѣкъ,
 склонный къ размышленію и ме-
 чтательности, нигдѣ болѣе не
 найдетъ пищи для воображенія,
 какъ блуждая среди развалинъ.
 Развалины городовъ представля-
 ютъ самое величественное и въ
 нѣкоторой священной шрепешѣ
 приводящее зрѣлищѣ: они напо-
 минають о шлѣнности мірскихъ
 вещей.— Остатки стариннаго ры-
 царскаго замка пробуждаютъ въ
 насъ шысячи различныхъ воспо-

минаній о древнихъ богатыхъ,
 о пришлѣвшихъ прекраснаго
 пола, о заключенныхъ красавицахъ
 и рыцаряхъ избавившихъ.— Сча-
 стливъ владѣлецъ, получающій съ
 помѣстьями своими въ наслед-
 ство старинные дубы, клены и
 развалины древняго замка или ла-
 латъ. Включивъ все сіе въ саду
 своемъ, онъ будетъ имѣть рѣд-
 кой садъ! Тамъ, удалясь отъ шум-
 наго свѣта, можетъ онъ наслаж-
 даться всѣми прелестями уеди-
 ненной прогулки. Сидя на гру-
 дахъ мшистыхъ камней и смо-
 тря на заходящее солнце, онъ
 можетъ свободно углубляться въ
 опдаленность прошлыхъ вѣ-
 ковъ, представляя себѣ царства
 въ ихъ младенцествѣ, величїи, сла-
 вѣ, попомъ разгромленныя перу-
 номъ судьбы, и поверженныя въ
 развалины, въ кошорыхъ опять за-
 раждающся молодые корни новыхъ
 царствъ.— Наконецъ вечерняя лу-
 на, взойдя на горизонтъ, при-

дасть совсѣмъ иной видъ окрестностямъ: густыя тѣни деревьевъ, узорчатыми пшнами, разсѣялся на тучной зелени; ночныя росы, тихо спусаясь, повсюду засверкають. Въ разныхъ мѣстахъ гнилое дерево заблещетъ серебромъ, — но это ложный блескъ!.. Кусты озаряясь палевымъ сіяніемъ тихо зыблемыхъ на листкахъ фосфорическихъ свѣтляковъ. — Блудящія огни вспыхнутъ и начнутъ ночное странствованіе свое по развалинамъ. . . Въ это время, когда лучъ луны уже съ вышины забрезжитъ сквозь туманъ, и полунощный часъ начнетъ приближаться, вкорененное изъ дѣтства *сுவѣріе и пламенное воображеніе*, задумчиваго зришеля, предскажишь ему множество тѣней и призраковъ, мѣрными шагами разхаживающихъ среди разрушенныхъ остатковъ древности. Нѣкоторыя изъ нихъ, свободаясь отъ тѣсноши изшавшихъ гро-

бовъ, кажешся, идущъ прямо къ
 нему и онъ слышешъ ропотъ шѣ-
 ней: „кто ты, убѣгающій сладка-
 „го сна въ часы глубокой ночи?—
 „Дерзской! знаешь ли, что съ
 „каждымъ шагомъ ты попираешь
 „кости исплѣвшихъ во гробахъ, и
 „что великолѣпной домъ швой
 „поставленъ тобою на развали-
 „нахъ развалинъ многихъ прежде
 „стоявшихъ здѣсь жилищъ гор-
 „дыхъ, но скудѣльныхъ человѣ-
 „ковъ! . . . Знаешь ли, что сіи
 „развалины блискали нѣкогда въ
 „видѣ огромныхъ зданій, въ ко-
 „шорыхъ люди умѣли наслаж-
 „даться и радоваться. . . Дружба,
 „гостепріимство и благоговѣніе къ
 „правотѣ отличали древнихъ жи-
 „телей замковъ. Вопль невинно-
 „спи легко проникалъ грубые
 „Готическіе своды, подъ кошоры-
 „ми обитали нѣжныя сердца, и
 „булашныя мечи правдѣ, водни
 „мира обвисше олівами, кури-
 „лись шолько черною кровію при-

„тѣснителей невинности и красо-
 „ты! . . . Здѣсь часшо багряной
 „сокъ сладкихъ виноградовъ пѣ-
 „нился въ злапыхъ чашахъ, и голу-
 „боокія дѣвы, увѣнчанныя роза-
 „ми, восхищали пирующихъ дру-
 „зей, родныхъ и спранниковъ. Но
 „все сіе исчезло, какъ благовон-
 „ный дымъ кадиль! Теперь всѣ
 „мы почиёмъ въ сырой землѣ. А
 „ты, владѣющій сими мѣстами
 „и могилами, замыкавшими наши
 „коспи, вспомни, что блескъ ве-
 „личія, молва и слава дольняго
 „міра, все шлѣбно, — все исчезаю-
 „ще, какъ сонъ! Почшо же гро-
 „моздишь ты черпоги свои споль
 „высоко, что громы, плавая въ
 „огненныхъ облакахъ, встрѣча-
 „ются съ вершинами ихъ? — Для
 „чего ссыпаешь кучи золоша на
 „груды серебра и зашочаешь все
 „вмѣстѣ въ подземныхъ погре-
 „бахъ, за чугунными дверми, оз-
 „наменованными *легатию* скуло-
 „сти? — Или для чего, упавъ на

„грудь роскоши и разшавъ въ
 „обвѣстїяхъ нѣги, забываешь пы-
 „о цѣломъ свѣшѣ? . . . Сынъ сча-
 „ствїя, опомнись! Сїяніе мірской
 „пышности и величія есть блескъ,
 „свѣщающейся предъ собою гнили;
 „а чистый свѣшъ добродѣтели
 „превышаетъ постоянное и не-
 „зыблемое мерцаніе ясной полу-
 „нощной луны . . . Да украсятъ
 „жилище швое скромность и про-
 „стоша, да рассыплются сокро-
 „вища швой золотымъ дождемъ
 „на изцѣленіе всѣхъ извѣзвен-
 „ныхъ жаломъ нищеты! — Вѣрь,
 „что слезы благодарности благо-
 „шворенныхъ собою, орошая путь
 „жизни швоей, произрастятъ на
 „немъ не увядаемыя розы радо-
 „стей. Одна добродѣтель имѣетъ
 „безцѣнный ключъ отъ врашъ
 „горнихъ, невидимыхъ намъ мі-
 „ровъ, гдѣ солнце счастья свѣтитъ
 „незаходимо! . . .” — Такимъ об-
 „разомъ развалины могутъ укра-
 „шать огромные сады, и поучать

бесѣдующихъ съ ними... Въ одной изъ опустѣлыхъ башенъ, заросшей мохомъ и полынью, приличнѣ всего положишь пѣсни Барда древнихъ временъ *Оссіана*. — Но нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ искусственныя развалины, копорыя большими издержками дѣлаются въ садахъ. Многие, желая предсавить оспашки древней Гошической башни, строятъ стѣны и своды изъ новаго кирпича, покрывающъ ихъ свѣжимъ мохомъ, опшѣняющъ разными красками и думающъ увѣришь всѣхъ, что имѣющъ въ саду своемъ разрушенную временемъ древнюю развалину. — И за чемъ спремиться къ подражанію развалинамъ башенъ и замковъ?.. Всякой узнаешъ подѣльную развалину огромнаго зданія; но рѣдкой не ошибешся, увидѣвъ разрушенной сельской домикъ, или хижину, нарочно сдѣланную изъ полусогнившихъ бревенъ. И шакъ, на одномъ изъ уше-

совѣ, у подножія кошораго слышенѣ глухой ревѣ сердшаго прошока, подѣ мрачнымѣ навѣсомѣ соснѣ и елей, посшавъше развалины хижины, съ приличною надписью, кошора бы означала, что нѣкогда жилѣ шамѣ ошшельникѣ, уклонившійся ошѣ шуму суешливыхѣ шварей и волненія спрашей. — Неподалеку ошѣ свѣшлаго пруда, окруженнаго березами, посшавъше хижину *бѣдной Лизы*: кто не знаетѣ сей извѣстной Руской повѣспи, и кто не согласишя забышѣ на минушу, что онѣ не вѣ самомѣ дѣлѣ гуляетѣ близѣ Лизина пруда?.. Или подѣ наклономѣ двухѣ прошивуположенныхѣ скалѣ, вѣ шѣни кашпановыхѣ деревѣ, построите двѣ хижинки безѣ дверей и оконѣ, покрышыя лисшьями и корою; назовите ихѣ хижинами *Павла* и *Виргиніи*, описанными пламеннымѣ перомѣ чувствительнаго, добраго Сенѣ-Пьера. Вѣ одной изѣ нихѣ положише его прекрасную

книгу. Пусть молодыя двѣушки вспоминають чаще о причинѣ запускѣнія мирныхъ хижинѣ. Юная Виргинія, распавшись съ природою и проспошою, увлекаемая блескомѣ богатства, разлучилась съ матерію, съ милымѣ Павломѣ — и навсегда! волны поглотили невинную жертву корысти и спрасшей суешной знашности. Кажется приличіе всего искусству, подражающему природѣ, включая въ сады острова, и украшая оныя. Они могутъ бытъ весьма различны по образу и величинѣ своей: эшо мы видимѣ въ самой природѣ на большихъ рѣкахъ и моряхъ. И такѣ очень шрудно разпознашь искусственной островѣ отѣ естественнаго. Щасливѣ владѣлецѣ, имѣющій обширныя, свѣшлыя озера! . . . Вы имѣете ихъ — спарайтесь же распространить природныя, и разсѣять по водамѣ вашимѣ многіе искусственные острова. — На при-

мѣрѣ, сдѣлайте островѣ дружбы, островѣ воспоминаній, архипелагѣ небольшихъ острововѣ розѣ, лилей и Сиренѣ. Разсѣйте въ разныхъ мѣстахъ скалы страстей, одиночества и мѣли предрасудковѣ. Одну изъ нѣсколькихъ назовите пристанью sloкойствія. Разположите все эшо по нѣкоторому аллегорическому плану, и вы будете имѣть въ саду своемъ нѣчто очень необыкновенное.—*На островѣ Дружбы* насадите рощицу, въ которой бы каждое дерево, каждый кустъ, посвященъ былъ одному изъ вашихъ друзей; имя его, написанное на дощечкѣ, должно быть привязано къ дереву. Въ серединѣ рощицы прострой жертвенникъ; на немъ бѣлая урна, съ надписью: *олтарь Дружбы*. Имена, а если ли можно и самые лики Ореста и Пилада должны быть украшеніемъ сего мѣста. Ликъ Марка Аврелія для того долженъ быть здѣсь поставленъ, что онъ, будучи

обладателемъ полвселенной, въ
 восторгѣ сердечномъ восклицалъ:
 „о небо! пошли мнѣ нужнѣйшее
 „для Царей благо: пошли мнѣ дру-
 „зей!“ Здѣсь могутъ также хра-
 ниться Цицероновы, Монпаневы,
 Риваролевы и прочія разсужденія
 о дружбѣ. Не худо, естли большая
 часть деревъ будешъ такихъ, ко-
 торыя бы по два или по три срос-
 лись и соплелись вмѣстѣ. По всѣмъ
 рошицамъ насѣять расшеній, имѣ-
 ющихъ свойство вишься вокругъ
 деревъ, дабы на островѣ Друж-
 бы все означало тѣсной союзъ и
 согласіе.— Дружба скромна: это
 докажешъ множеству фіялокъ, не-
 видимо разливающихъ ароматы
 свои. Для изображенія совершен-
 наго союза дружбы, кошорой ни
 время, ни смерть не власны раз-
 шоргнушь, посадите нѣсколько
 хмѣлю близъ высокаго угла кле-
 на, или дуба, сломленнаго бурей. И
 когда свѣжая зелень широколи-
 ственнаго хмѣля тѣсно обнимешъ

и покроетъ изпльвающій пѣнь, тогда пусть чишаютъ на немъ сіи слова: *одинъ умеръ; но другой живъ— и оба неразлучны!* *Островъ Воспоминанія* долженъ быть посвященъ всему прошедшему. Тамъ, на корѣ нѣсколькихъ древнихъ деревьевъ изобразите въ крапцѣхъ достопамятнѣйшіе случаи вашей жизни. Руссо, убѣгая людей, жилъ подъ старость однимъ воображеніемъ и воспоминаніемъ прошедшаго. Лучшее наслажденіе его было разбирать свои справники: каждая справка напоминала ему то время, когда и гдѣ она была сорвана, и чувствительной Философъ то улыбался, то проливалъ слезы.—*Островъ Напоминанія* долженъ украшаться также памятниками милыхъ вамъ особъ, уже сошедшихъ съ земли. — *Урны, усохшія деревья, плачущіе и угашающіе пламеники жизни купидоны и прочія приличные изваянія* посвящавшя на зеленыхъ

холмикахъ, на сизо-мшистыхъ
камняхъ и скалахъ; и это будутъ
кенотафы усопшихъ вашихъ дру-
зей.— Вѣшляя ивы, наклоненныя
къ землѣ всѣми вѣшвями своими,
и вѣперокъ, шепчущій съ мохомъ
и лисьями, скажутъ: *здѣсь жи-
вья бесѣдуютъ съ прахомъ усоп-
шихъ!*—Сверхъ того весь островъ
долженъ быть усѣянъ незабудоч-
ками. Но островъ Воспоминанія
будетъ уединенъ, и потому имѣй-
те на немъ превосходное творе-
нiе: Юнговы ночи и прекрасную
книгу Цимермана о *уединенiи* оп-
носительно къ разуму и сердцу.
Сочинитель сей послѣдней книги
удостоился получить отъ самой
Екатерины II, покровительни-
цы дарованiй, подарокъ съ сими-
лестными, собственною Ея рукою
начершанными словами: *господи-
ну Цимерману, врачу Его Величе-
ства Короля Англинскаго, въ
знакъ благодарности за прево-
сходныя рецензы, предписанные*

имѣ теловѣстству въ книгѣ объ
 уединеніи.

Что касается до прочихъ острововъ, то они могутъ быть названы *островами Радости, Забавъ* и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ должны алѣть одними розами; другіе пусть бѣлѣютъ лилеями, пестрѣютъ душистыми тюльпанами, или синѣютъ цѣвущею рощицею Сиренъ. Надѣлавъ гнѣздъ, и разсыпая часто зерна, можно причислить къ симъ островамъ множество вольныхъ птицъ. Для разнообразія пусть иногда выказываются изъ воды острия скалы, сѣдые подводные камни и мѣли; а на противномъ берегу устройте пристань, съ красивою набережною. Всему этому можете дать иносказательныя названія шаръ, чтобы, на примѣръ, къ пристани *спокойствія* не иначе можно было доплыть, какъ извивистымъ путемъ, на кошоромъ разсѣяны скалы страстей, подводные кам-

ни испытанія и отлѣли предразсудковъ.— Въ прекрасный лѣпній вечеръ, когда свъ погасающими лучами солнца шумъ шварей начнешь умолкашь, и заря освѣнитъ розовымъ блескомъ сребриспую поверхность водъ; когда тета спройныхъ лебѣдей поплывешь къ гнѣзду своему, и соловей, загремишь на вѣтвяхъ пѣснь любви и свободы:— тогда на легкомъ челнокѣ или Кишайскомъ плотикѣ плывише къ острову *Воспоминанія* услаждашь прошедшимъ. Переѣзжайше потомъ на островъ Дружбы мечташь объ ошсущественныхъ, или, при сребряномъ сіяніи луны, ушѣшаешь бесѣдою присушествующихъ друзей.

Есшьли пожелаеши имѣшь плодовишой или *регулярной* садикъ въ Англинскомъ: то поспіройше гдѣ нибудь маленькой сельской домикъ; и предположивъ, что шамъ живешь охотникъ до цвѣшовъ и деревьевъ, сдѣлайте какіе вамъ

угодно цвѣтники. Тамъ могушь также занимашь любопытнаго разнаго рода зашѣи садовничьяго искусства, на примѣрѣ: онъ увидишь на одномъ стеблѣ бѣлую и красную розу, на одномъ деревѣ вишни, яблоки, груши и прочія чудесныя сочешанія разнородныхъ деревъ посредствомъ прививанія.— Въ сельскомъ садовомъ домикѣ должна бышь и библиошека: *Виргиліевы Георгики, Деллевы Сады, Томсоновы Времена Го- да и Блумфильдова Поема: Сельской Работникъ* займушь въ ней первыя мѣста. Къ этой садовой библиотекѣ можно посшавишь эпиграфъ: *Поэзія, цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ!*

Вошь безпорядочныя мысли мои о садахъ. Можешь бышь все, о чемъ я говорилъ до сихъ поръ, находишся уже во многихъ садахъ. Но теперь предложу вамъ средство украсишь вашъ собственнй шьмъ, чего, почти навѣрное мож-

но сказаешь, еще ни въ одномъ саду до селъ не бывало. Я хочу сказаешь объ изваяніяхъ древнихъ Славянскихъ боговъ. Намъ ли Рускимъ гоняшься за Греческими богами, копорые уже примелькались въ глазахъ нашихъ: ими загромозжены всѣ сады? — Намъ ли, говорю, пѣняшься чужимъ тогда, какъ баснословіе нашихъ предковъ Славянъ такъ прекрасно! До сихъ поръ, кажется, еще ни одинъ ваятель не осмѣливался предшавишь глазамъ нашимъ прекрасныхъ изваяній Славянскихъ боговъ, ничѣмъ неуступающихъ Греческимъ, а иногда зашѣливоспїю вымысла даже ихъ превосходящихъ. Видно художники опасаются, что у нихъ не захопашъ купишь какой нибудь прелестной Лады тогда, какъ съ жадноспїю разхващывають всякаго рода Вербъ. До сихъ поръ нѣтъ еще и формъ для Славянскихъ боговъ. Намѣсто Аполлона, Венеры, Флоры

и Зефировъ, поставыше въ саду
вашемъ *Баяна, Ладу, Зилстерлу*.
— У васъ есть среди озера на
островъ прекрасной чистой род-
никъ: поставыше тамъ древяго
Славянскаго пѣснопѣвца съ его ли-
рою, пусть кажешся онъ, въ тѣ-
ни прохладной рощицы, подслу-
шивающимъ извивисшую лѣснь со-
ловья. Положише тамъ драгоцѣн-
ную жемчужину Россійской Сло-
весности: *Героическую лѣснь о похо-
дѣ Игоря*, гдѣ вѣщій Боянь названъ
соловьемъ древнихъ лѣтъ. Тутъ
же, или въ иномъ приличномъ
мѣстѣ, поставыше милую *Ладу* съ
прелестнымъ ея семействомъ. *Ла-
да* богиня любви и красоты; дѣти
ея: *Леля* богъ любви, *Полея* богъ
брака, *Дидъ* жизнь супружествен-
ная и благодатная *Дидилія* покро-
вительница новорожденныхъ. —
Въ одномъ укромномъ уголѣ ваше-
го сада, построивъ хижину дре-
вяго Славянина, и воздѣлавъ близь
оной небольшую ниву, покрышую

злашовидною жашвою, поспавъше шамѣ покровительницу спѣющихъ класовъ Мерцану (*). — Въ сизые сумерки шихихъ лѣшнихъ ночей Мерцана любивъ порхашъ по злашымъ нивамъ въ видѣ свѣшлой зарницы, и благошворнымъ прикосновеніемъ небеснаго пламени ускоряшъ зрѣлошъ цвѣшущихъ классовъ : шавъ говоривъ баснословное преданіе. Тамъ же долженъ бышъ и *Кулало*, богъ лѣта, полевыхъ плодовъ и лѣшнихъ цвѣшовъ, и *Сѣва*, богиня осени и садовыхъ плодовъ. На рубежѣ сего маленькаго участка поставъше бѣлой каменной столѣ, съ надписью: *Чурѣ!* Это древній богъ межей. — Гдѣ нибудъ въ перелескѣ, на пригоркѣ, можно поставишъ и *Зевану*,

---

(*) Баснь о Мерцанѣ изображаешъ лѣшнія зарницы, кошорыхъ электрическая сила въ самомъ дѣлѣ способствувешъ зрѣнію плодовъ и классовъ.

Славенскую *Дианну*, богиню звѣриной ловли. Спрройной, сановишой *Радегастъ*, защитникъ городовъ, можешъ также опличашься въ своемъ мѣстѣ. — А шамъ, гдѣ иногда подѣ веселой часъ, поминая свяшую Русь, на зеленомъ цвѣшущемъ лужку, при свѣшломъ ручье, подѣ шѣнию шополей, захошите выпить съ друзьями избѣдовскаго покала сладкаго пѣнишаго меду: шамъ посшавъше испушканъ *Корса*, покровишеля пива и меду. — Подѣ него не худо спояшь *Усладу*, какъ богу веселія и жизненныхъ наслажденій. Но въ самомъ глухомъ захолусшѣ, на песчаномъ ошрову, съ разныхъ споронъ подмышомъ волнами, покрышомъ древними полу-искорененными соснами и множешвомъ пней, сложенныхъ вѣшрами и обожженныхъ молніями, посшавъше испушканъ свирѣпаго, бурями, какъ ризою одѣтаго, *Позвизда*, бога шепогодъ. Тамъ же помѣшите и

Зимерзлу, богиню суровую, дышущую холодомъ и морозами. Напрошивъ того, въ самой прелестнѣйшей изъ вашихъ рощицъ, близь чистаго пророка, между молодыхъ липокъ, кленовъ и душистыхъ сиренъ, въ свѣжихъ розовыхъ кустахъ, перемѣшанныхъ съ стройными лилеями и ароматными ландышами, поставьте самого милостивѣйшаго божка — *Догоду*. Онъ значить то же, что *Зефиръ*. Не разлучайте съ нимъ и подруги его прелестной *Зимстерлы* (Флоры). — Изъ этого самаго крашкого начертанія вы видите, какъ богата Славянская Мифологія! — До селъ сокровища ея, подобно многимъ природно Рускимъ драгоценностямъ, погребены были подъ спудомъ забвенія; но почтеннѣйшіе Писатели наши, взыскавши Рускаго слова, воскресили въ пѣсняхъ своихъ древній *Валкалъ*, который во многихъ отношеніяхъ ничуть не

успушишь Олимпу и Елисейскимъ полямъ, сошвореннымъ пламеннымъ воображеніемъ Грековъ. Ломосовъ изрѣдка, Херасковъ очень часто, Державинъ шакже не рѣдко выспавляетъ Славянскихъ баснословныхъ боговъ вмѣсто Греческихъ. И очень недавно, въ опытахъ повѣствовательныхъ, написанныхъ на Рускую сшасть, легкимъ и пріятнымъ слогомъ, господинъ Воспоковъ сдѣлалъ прекрасное употребленіе Славянскаго баснословія. Теперь надобно только отворишь наши сады для милой *Лады, Леля, Полея* и *Догоды*. — Но чшобъ сдѣлать садъ вашъ совершенно опечесшвеннымъ, шовмѣсто издержекъ на пустыя бесѣдки, кошорыя обыкновенно наполняются паушинами и сыростию, поспройте одинъ хорошій, не просшой храмъ: ибо просшопш самая близкая родешвенница Рускимъ. — Тамъ соберите поршрешы или изваянные лики всѣхъ

знаменишыхъ Россовъ. — Тогда отецъ своего сына, а Руской наставникъ воспитанника, приведешъ въ сей новой Пантеонъ для созерцанія священныхъ изображеній *Россiанъ героевъ и Россiанъ благотворителей!* ... Вотъ всѣ мои мечшы! Я обѣщаль сказать о *садахъ* только нѣсколько словъ, а измараль уже нѣсколько страницъ: просшите нескладному многословію! ...

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ О ЖИЗНИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДЕМЬЯНОВА.

Недавно окрестности Ржева украшались пребываніемъ добродѣтельнаго челоуѣка, копорый всѣ дни своей жизни посвящаль только двумъ предметамъ: служенію ближнимъ и упражненію въ наукахъ. Склонность къ наукамъ, къ благошворенію и прочія похвальныя склонности совершенно владычествовали надъ

нимъ; а самъ онъ владѣлъ только спрашьями своими. — Едва прошелъ годъ знакомства нашего, и смерть, копорая, по словамъ одной сочинительницы, подсѣкаетъ лучшіе цвѣты въ верхоградѣ жизни, — смерть пресѣкла дни сего добродѣтельнаго друга человѣчества. — Надъ могилою его рыдаютъ неушѣшно дружба, родство и благодарность.

П*И*Д* воспитывался въ Морскомъ корпусѣ. Математика и Механика были любимѣйшими его науками. Въ чинѣ Гардемарина и Мичмана онъ плавалъ по морямъ, и во время войны съ Шведами былъ на многихъ морскихъ сраженіяхъ. Оставя бурную спихію, уклонился онъ къ мирной шишинѣ. Сидя въ саду своемъ, на берегу Волги, онъ видалъ величественную рѣку во всѣхъ ея измѣненіяхъ—въ буряхъ и шишинѣ; а изъ оконъ дома любовался на цвѣшущій торговой городъ, съ многолюдною его приспанью.

Будучи душею друзей и родныхъ, часто и для постороннихъ бывалъ онъ подпорою и совѣшникомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; судіею и примирителемъ въ спорахъ. По выборамъ дворянства служилъ онъ въ Уѣздномъ судѣ и шесть лѣтъ Депутатомъ; но всегда и вездѣ служилъ человѣчеству.

Онъ умѣлъ чувствовать всю тяготу бѣдности, и вникалъ въ нужды ближнихъ. Часто, въ кругу милыхъ ему людей, когда дружеская бесѣда оживошворялась сердечными изліянiями, когда удовольствіе и радость блистали на всѣхъ лицахъ, онъ говаривалъ друзьямъ своимъ: „какъ мы счастливы!... за окнами нашего дома шумитъ буря, Волга кипитъ въ берегахъ своихъ; а мы, не чувствуя ни скуки, ни горя, наслаждаемся сердечнымъ спокойствіемъ въ теплой комнатѣ; но сколько людей дрожатъ шеперь отъ холода и сра-

жающся съ нуждою! — Тушѣ вздохъ состраданія вылепалъ изъ груди его, и слезы навершывались на глазахъ.

Любимое изреченіе его состояло въ сихъ крапкихъ словахъ: „думай о добрѣ, дѣлай добро и ожидай добра! — Не оуждайше людей съ перваго взгляда; смотрише на чужіе пороки сквозь пальцы; ищише добродѣтелей и благоговѣйше предъ ними, снисходя къ слабостямъ чловѣческимъ. — Посмотрише, говаривалъ онъ, на испочникъ, ліющійся по лугамъ: илѣ, возмущенный его печеніемъ, смѣсясь съ пѣною, покрываетъ пошкѣ непріятною для глазъ оболочкою; размахнише легкую пину — и прекрасная свѣшная вода опкроется подъ нею! — Поступайше шакъ шочно и съ людьми: добродѣтели и слабости нераздѣльны въ насъ; и въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя мѣста!“

Къ добротѣ душевной присоединялъ онъ необыкновенную чувствительность. Чувствительность! даръ неопытной и часто пагубной для человека, сколь многихъ наслаждений и сколь неизчешныхъ мукъ бываешь ты виною! Чувствительное сердце можно сравнить съ стройною арфою, копорой всѣ струны крѣпко натянуты: малѣйшее прикосновение въ шерка извлекаетъ звукъ; чтожь сдѣлаютъ бури, удари въ нихъ? — Стрѣлы злополучія, шакъ сказать, скользя надъ безчувственнымъ, и глубоко вонзаются въ чувствительное сердце — П* И* и съ ясною совѣстію, часто встрѣчалъ въ жизни пасмурные дни: они помрачались скорбію. Оширая слезы ближнихъ, онъ самъ нерѣдко проливалъ ихъ. Пошерь ближнихъ сердцу родныхъ много ему стоила; но больше всего поразила его смерть брата и друга Льва Ивановича. Съ

шой минушы здоровье его начало ослабѣвать: цѣлые дни проводилъ онъ въ грусти; и не одна холодная осенняя ночь была безмолвною свидѣтельницаю сѣшваній его на могилѣ брата.

Онъ спрасшно любилъ опечесшво и все опечесшвенное. При началѣ народнаго ополченія, когда мужесшво древнихъ временъ воскресло въ сердцахъ Россіянъ; когда любовь къ опечесшву — родная мать Мининыхъ и Пожарскихъ — воздвигла вновь Россію во всемъ ея могущесшвѣ: П* И* прикованъ былъ къ одру болѣзни жестокою горячкою. Друзья его долго не объявляли ему ни о чемъ, не показывая даже и *Манифеста*. Наконецъ онъ узналъ нечаянно о составленіи Земскаго войска, и пошъ часъ — сверхъ должнаго числа рашниковъ — назначилъ въ службу лучшихъ, любимыхъ своихъ спрѣлковъ — Вы были вѣрны мнѣ, говорилъ онъ своимъ рашникамъ: будь-

ше еще вѣрнѣе Государю; горди-
 шесь своею участью: вы спано-
 вилесь опныи защипниками
 опечешва!— Друзья мои! госпо-
 динѣ вашѣ завидуешѣ вамѣ: бо-
 лѣзнь ослабила силы его; а безѣ
 шого онѣ самѣ пошелѣ бы первой
 предѣ вами шуда, куда скликаешѣ
 насѣ слава Руской земли. Слово
 Царево удосповѣряешѣ, что по
 низложеніи врага, вы опяшь воз-
 вращилесь вѣ нѣдра семействѣ
 вашихѣ: шогда, вмѣстѣ сѣ женами
 и дѣшми вашими, встрѣчу васѣ,
 и успокою послѣ шудовѣ раш-
 ныхѣ. — Приемля сердечное уча-
 шіе вѣ шогдашнихѣ обшояшель-
 ствахѣ, онѣ былѣ вѣ безпрешан-
 номѣ волненіи, которое еще боль-
 ше мѣшало выздоровленію его.

Но дорожа выгодами опечешва
 и любезныхѣ ему людей, онѣ нико-
 гда не жалѣлѣ ушрашы собшвен-
 ныхѣ выгодѣ. Вѣ одно время, вѣ
 самую полночь, сдѣлался пожарѣ

недалеко отъ его дома; человекъ шоропливо вошелъ въ комнату, чшобъ уведомить его о семъ. — Чшо за шревога? — спросилъ П* И* — „Пожаръ! ошвѣчалъ слуга: всѣ гумны съ хлѣбомъ занялись огнемъ.“ — Бѣдные крешьяне! воскликнулъ *Петръ Ивановичъ*, и шопчасъ началъ одѣваться. — „Эшо не крешьянскіе, сударь! а ваши.“ — Ну, такъ еще не бѣда: воля Божія! Подише, спарайшесь, чшобы пожаръ не коснулся деревни; скажи крешьянамъ, чшобъ берегли шолько себя, да не вели шумѣшь въ домѣ: не разбудише гостя. — Одинъ изъ его пріятелей спалъ шогда въ другой комнатѣ. Однакожь гость скоро пробудился, и крайне удивлялся равнодушію хозяина. — Чшожь дѣлать! говорилъ П* И* воля Провидѣнія неизмѣнна; данное Богомъ имъ же и отъемлешся. — Между шѣмъ, чшобъ больше успокоишь своего гостя, онъ приглашалъ его посмо-

ирѣшь на Волгу, кошорая, пылая въ золошыхъ заревахъ, представляла въ себѣ страшную и вмѣстѣ величественную картину пожара.

„Смерть праведника есть торжество добродѣтели, возвращающейся въ небеса.“ Это неоспоримая истина! Порокъ содрогается при дверяхъ гроба; добродѣтель, руководимая надеждою, съ улыбкою переступаетъ за предѣлы земной юдоли. П* И* доказалъ се собою. Продолжительная болѣзнь — слѣдствие неоднократныхъ огорченій о потерѣ милыхъ ему людей — заставила его искать помощи, за пять сотъ верстъ, у благошворительнаго врача Пріора Носалевскаго (*). Родной братья и

(*) Могилевской губерніи въ мѣстечкѣ Дудаковичахъ. — За нѣсколько лѣтъ предъ симъ П* И* также стоялъ уже на краю гроба, но возвращенъ къ жизни попеченіями искуснаго врача, господина Фел-

племянница, въ которой онъ имѣлъ испиннаго друга и привѣрную родспвенницу, сопровождали его шуда.— Уже попеченіе искуснаго врача возвратило ему здоровье, уже прежній блескъ возобновился въ прекрасныхъ его глазахъ, и алой румянецъ раздѣвшалъ на щекахъ его... Онъ былъ очень хорошъ собою. — Вдругъ разошлась молва, что Россія должна возобновить войну съ Францією; что Швеція, Турція и Персія съ разныхъ сторонъ ополчающся на опечество наше; что Наполеонъ, котораго мановеніе воздвигаетъ народы, готовъ опшоргнуть отъ Россіи Польшу. Слухи сіи разпроспранялись Поляками: они поддерживали ихъ, прибавляя, въ разсказахъ своихъ, множество нелѣпостей, множе-

лера, котораго онъ всегда называлъ другомъ и благошворителемъ своимъ.

ство самыхъ печальныхъ догадокъ на *степь будущаго* (*). . . Все сіе шакъ поразило П* И. что онъ съшой минушы началъ задумывашься, блѣднѣть, жаловашься болью въ головѣ и сердцѣ; и чрезъ нѣсколько дней обнаружилась въ немъ спрашная лихорадка, пресѣкшая вскорѣ и жизнь его. Предъ смертію онъ увѣщевалъ плачущихъ друзей своихъ: „за чемъ шакъ горько плачете вы? Ешъли о мнѣ, шо сѣшованія ваши напрасны: я оставляю свѣтъ сей, исполненный суешъ и волнуемый бурями спрасшей, шочно сѣ шакимъ же чувшвомъ, какъ оставлялъ нѣкогда бурныя моря послѣ долгаго на нихъ плаванія. Одна любовь къ природѣ и друзьямъ моимъ могла еще нѣсколько привязывашь меня къ сей юдоли земной, гдѣ должно пресмы-

---

(*) Въ сіе время швердили Поляки пословицу : *szue ptaszek wiosne*: слышетъ пшичка весну!

кашья въ шолпѣ бѣдныхъ шварей, сшенящихъ подѣ жезломъ судьбы; гдѣ должно бышь невольникомъ обшпояшельспвѣ и увлекашья вихрями случайности... Но, друзья мои! величайшія рѣки и малые испочники имѣюшѣ свои успья; жизнь Царей и нищихъ имѣетѣ шакже свой предѣлъ: рано или поздно — желаю, чшобѣ это было какѣ можно позже — мы увидимся за предѣлами гроба; шамѣ вспрѣчу васѣ съ разпросшершыми обьяшіями!

Богѣ, пекущійся о судьбѣ величайшихъ міровѣ и малѣйшихъ избшварей — Богѣ благоспи, конечно назначилѣ въ лонѣ вселенной мѣсто для праведныхъ душѣ, шружениковѣ земныхъ. — Вѣрьше, чшо не вамѣ о мнѣ; а мнѣ должно бы плакашѣ о васѣ: — вы осшасешѣ жишѣ — и въ какое время!... Никогда спраспи не владычешвовали шакѣ сильно на лицѣ земномѣ; никогда брани не сви-

рѣшповали люшѣ; не было большаго честполюбія въ завоевашеляхъ, большихъ раздоровъ въ народахъ, и корысть никогда не имѣла споль полной власши надъ сердцами... Я спрашусь собышїа сихъ священныхъ словъ: скоро придетъ бо часъ, егда живые позавидуютъ мертвымъ.— Часшые обмороки лишали его чувствъ. Едва успѣлъ онъ окончатъ исповѣдь свою и прїобщишься Свяшыхъ Таинъ, какъ языкъ его онѣмѣлъ.— Тушъ попросилъ умирающїй, знаками, часовъ и образа, кошорой велѣлъ поставишь прямо прошвъ себя. Безмолвшвуя, указывалъ онъ по на часовую спрѣлку, — выражая шѣмъ, что ему уже немного оспаеша жишь; — по смоспрѣлъ на икону, пожималъ руки друзей своихъ, взглядывалъ сквозъ разшворенное окно на чистое небо, и шакимъ образомъ, подкрѣпляемый вѣрою, въ обяшїяхъ дружбы и природы, съ швердо-

стію Христіянина, кончилъ жизнь сей добродѣтельный человекъ. — Извѣсьясь о смерти его, нѣсколь-ко недоспащочныхъ семействъ надѣли прауръ. И тогда шолько ошкрылось, что они получали ошъ него всѣ способы къ жизни (*). Гробъ его сопровождали рыдаю-щіе друзья, родные и благошво-ренныє имъ несчастливцы.

И такъ не спало уже сего до-бродѣтельнаго, сего пламеннаго друга человекешва, для котораго благошвореніе было первою по-шребноштію въ жизни!

Нѣжной другъ Природы! запу-стѣюшѣ мѣста, которыя укра-шалъ ты съ такимъ прилѣжані-емъ руками своими! Уже не раз-цвѣшущъ для себя земные вершо-

---

(*) Сіе шѣмъ болѣе дѣлаетъ чести покойнику, что онъ, не будучи въ числѣ богачей, благошворилъ бѣд-нымъ при самомъ посредшвенномъ сосшояніи.

грады; ты не услышишь шуму родныхъ иссточниковъ, копорымъ пролагалъ пуши среди цвѣшовъ и душистой зелени! . . . Насажденные побою сады (*) пережили шебя; но не переживушь они памяти швоей. Падущѣ столѣтнія древа; а воспоминаніе о добродѣтеляхъ швоихъ преидеши въ поученіе поздныхъ родовъ. Оно не испребишися и тогда, когда уже сердца, облагошворенныя побою, изшлѣюшь подѣ хладнымъ каменемъ могилы. Послѣднія слова швои часто опзываются въ сердцахъ нашихъ. Въ минушы глубокой сердечной скорби завидуюшь шебѣ, живущему и въ смерти, друзья швои, умирающіе въ жизни. Миръ праху швоему, добродѣтельный человекъ!

(*) Покойникъ страшно любилъ природу, и предѣ кончиною началъ разводить садъ въ Аглинскомъ вкусѣ.

Р. С. Въ бумагахъ покойника найдено нѣсколько мѣлкихъ спихвореній, изъ коихъ особенно одно къ Волгѣ имѣетъ на себѣ печать его ума и нѣжнаго вкуса. По скромности своей, онъ никогда не выдавалъ себя за знаконца Музъ.— Онъ шакже прилѣжно занимался домоводствомъ, и записывая всѣ на опытѣ извѣданныя имъ лекаршва, сосшавилъ книгу подъ названіемъ: скопскаго лечебника.

Но всего любопышѣе, найденный у него между многими Механическими снарядами образецъ одного опличнаго ошъ прочихъ, о кошоромъ онъ никому не говорилъ; а сосшавлялъ оный въ шайнѣ собственными руками. — Судя по часшямъ, кошорыя еще не приведены въ надлежащій порядокъ, надобно думать, что это снарядъ Гидравлической, и при шомъ шаккой, посредствомъ кошораго самымъ малымъ количе-

ешвомъ воды можно производишь
 великое движеніе! Архимедовъ
 винтъ, колеса и прочія сложно-
 сти машины выработаны имъ са-
 мимъ въ нарочитую точностью.
 Всѣ заняшія, всѣ пруды сіи не пока-
 зываютъ ли, что цѣль всей жизни
 Пешра Ивановича была — польза?

Послѣ первой поѣздки моей въ
 Тверскую губернію, я еще нѣсколь-
 ко разъ былъ въ окрестностяхъ
 Волги; гулялъ на высокихъ бере-
 гахъ ея, мечталъ, и мечтанія мои
 излились въ слабыхъ стихахъ,
 копорыя къ спашъ здѣсь же по-
 мѣщены:

Мечтаніе на берегахъ Волги.

„Напоминаніемъ живеть душа моя“

Кляквинъ.

Довольно я въ мой крашкѣй въ
 Глубокихъ, свѣтлыхъ видѣлъ рѣкъ
 Въ странахъ, отъ родины любезной
 отдаленныхъ,
 Или отчества въ предѣлахъ заклю-
 ченныхъ;

Но *Волгу* всякой разъ съ весельемъ
новымъ зрю! . . .

Служа опечесству, Царю,
Я зрѣлъ Дуная бурны волны,
Я зрѣлъ его брега, убійствъ и крови
полны;

На нихъ пылала грозна брань;
Звучали громы раскаленны;
Града и в, си въ нелѣ, позженны
Войнѣ и смерти дань! . . .

И дней моихъ едва разсвѣтъ
Въ сихъ буряхъ брани не зашмился;
Едва я съ жизнью не просхился
На ушрѣ юношескихъ лѣтъ!

Я зрѣлъ, какъ мчится *Вагъ* сви-
рѣлый (*)
По рвамъ, чрезъ дебри и вершеры;
Какъ, пробивая пушь межъ горъ,
Кипитъ, бугришся, рветъ преграды;
Къ громадамъ громоздя громады,
Навислой роешь брегъ, и съ тре-
скомъ ломитъ боръ,
Дивя и ушрашая взоръ.

(*) *Вагъ* большая, сердитая рѣка въ Карпат-
скихъ горахъ.

Я зрѣлъ, среди степей пустынныхъ,
Бугъ

На крайнемъ рубежѣ Россіи;
 Въ предѣлахъ древнія Скифіи,
 Гдѣ спонешъ и поднесъ Пѣиша слав-
на духъ (*).

На дикихъ сихъ берегахъ, среди сте-
пей унылыхъ,

Имѣлъ друзей я сердцу милыхъ:
 Въ пустыняхъ и лѣсахъ другъ вѣр-
ный даръ небесъ!...

Среди полей сухихъ, поблекшихъ,
обнаженныхъ,

Лучами солнца раскаленныхъ,
 Въ гостепріимну пѣнь не манишь
свѣжій лѣсъ...

Тамъ нѣшь, тамъ нѣшь нигдѣ, убѣ-
жищъ для прохлады.

Но благостью шворца всѣмъ ровной
жребій данъ!

И смуглы жители пѣхъ странъ
 Умбюшь находишь опрады.

(*) Овидій, знаменитый Пѣишъ Латинской, се-
 сланъ Августомъ, въ Кумы, гдѣ нынѣ по-
 лагають Овидіополь.

Священно дружество, всѣхъ нѣж-
 ныхъ душъ—душа!
 Подъ кровлей низкаго Волошка ша-
 лаша
 Ты нашей жизни дни собою позла-
 щало
 И розами скалы угрюмыя вѣнчало.

Границу древню двухъ державъ
 Я видѣлъ быстрый *Дѣвстръ*, въ бре-
 гахъ золото-песчаныхъ,
 Обильный во плодахъ и гроздіяхъ ру-
 мяныхъ.
 Тамъ тысячи овецъ и сладко-млеч-
 ныхъ кравъ
 Пестрѣющъ по степямъ сребращим-
 ся въ *бурьянахъ*.
 Издревле тамъ лѣса чернелися дре-
 мучи
 Недремлющая въ нихъ мечи острила
 брань;
 Подвиглись Росскіе богатыри могучи,
 Громъ грянулъ, сбиль лѣса — лавръ
 въ полъ Россамъ дань (*)! . . .

(*) До первой Турецкой войны окрестности
 Буга, особливо за рѣчкою *Лодимель*, покры-

Не рѣдко я видалъ и Днѣпръ голу-
боводый,

На лонѣ мащери-природы,
Еще младенцомъ— ручейкомъ;
Но зрѣлъ, я зрѣлъ его въ величьи
рѣкъ Царіомъ!

Какъ области собой поя Россійски
многи

Пробивъ межъ горъ себѣ дороги,
И пѣной оснѣжа пороги,
Съ гремящимъ грохотомъ и съ шу-
момъ въ доль лешимъ!

Высоко-башенный Смоленскъ надъ
нимъ стоимъ!

И холмы Кіевски цвѣшущи, возвы-
шенны,

И храмы Божіи, богато позлащенны:
Исполненна чудесъ, глядишся въ
немъ страна!

Днѣпромъ поглощена прекрасная Де-
сна;

шы были дремучими лѣсами. Татары чинив-
шія набѣги. укрывались съ добычею въ сихъ
лѣсахъ. Во время военныхъ дѣйствій Рос-
сіяніи противу Турокъ огонь изстребилъ лѣ-
са, и шеперь видны тамъ однѣ обширныя
степи, заросшія крупною травою Бирь-
ляномъ.

Чрезъ *Малороссію* льешъ свѣшлой
 шокъ она :
 Благословенной край! роскошной садъ
 природы,
 Гдѣ дружны съ простотою беспеч-
 нья народы! . . .
 Забуду ли тебя, гостепріимной край!
 Тебя, цвѣшущій красою?
 Гдѣ я, лѣнясь людей любезныхъ до-
 брошою,
 Въ палашахъ и въ поляхъ вспрѣчалъ
 для сердца рай!
 Я Польски рѣки зрѣлъ: зрѣлъ шокъ
 прозрачной *Вислы*,
 Извивисшой зрѣлъ *Бугъ* ;
 Зрѣлъ замки древніе, на бездны съ
 скалъ навислы :
 Героевъ давнихъ лѣшъ, паритъ надъ
 ними духъ.
 Спраны прелестныя не разъ обли-
 шы кровью,
 Земля посѣянна косъми,
 Изъ давнихъ лѣшъ уже присвоена
 любовью ,
 Наполнена ея приманками , съшъ-
 ми . . .

Ни шумъ оружія, ни грозны бранны
звучи

Не могутъ защитишь сердець отъ
страстной муки.

И хитрой Богъ любви, какъ Царь
всевластной шамъ,

Съ улыбкой шествуя по лаврамъ и
щипамъ,

Стрѣляетъ въ брони позлащенны,
Въ сердца, въ пожарахъ битвъ гро-
мовыхъ, закаленны...

Какъ сладко шамъ провелъ я зорю
дней моихъ!

Средь пышности, утѣхъ, подъ бле-
скомъ Росской славы

Въ чертогахъ у вельможъ: богамъ
пріязнью ихъ.—

Край Польской нареченъ обителью
забавы;

Богъ вкуса Граціямъ въ немъ храмъ
соорудилъ.

Въ разсѣяньи, въ шуму, въ пріят-
номъ чувствѣ волненъи,

Средь нѣги и любви, въ сердечномъ
упоеньи,

Я радости не разъ изъ полной чаши
пилъ! —

Сулрута! близъ себя, о рѣчка безв-
извѣстна!—

Въ укромномъ уголкѣ живешь чепа
прелесна.

Тамъ дружбы сладостью груешь сер-
дца ошвожу,

И радость, ошъ судьбы украдкой, на-
хожу:

Тамъ одиночество мое позабываю,
И счастливы счастьемъ друзей мо-
ихъ бываю.—

Какъ странникъ, многія еще я ви-
дѣлъ рѣки,

О коихъ идешь въ мѣръ молва,
Которыя носятъ собой края дале-
ки...

Тебяжъ дочь *Ладоги*, о свѣтлая *Нева!*
Я зрѣлъ въ младенческія лѣта.

Неопытнымъ еще бывъ гостемъ бѣла
свѣта,

Не зналъ я и именъ: суешь, заботъ
и бурь;

Въ душѣ моей сіялъ веселія лазурь,
Равно, какъ сводъ небесъ въ тебѣ из-
ображался.

Ахъ! въ шопъ златой мой вѣкъ съ
страшьями я не знался,

Не плакалъ отъ тоски, не думалъ
хрѣткихъ думъ...

И града пышный блескъ, смяшенье,
звукъ и шумъ,

Богатство, слава, честь:—всѣ смерт-
ныхъ обольщенья

Мелькали предо мной, какъ шѣни, сно-
видѣнья.

Мнѣ жизнь была нова! не зналъ я въ
ней путей,

Не зналъ, что міръ сей полнъ прель-
щеній и сѣшей.

Безбурны дѣшства дни, о дни мои
злашья!

Забудуль васъ когда? — о радости
свяшья!

Которы по цвѣтамъ безлечнаго вели,
И сами, какъ цвѣшья, вокругъ него
пестрѣлись,

Уже ли для меня на вѣкъ вы оп-
цвѣли?

Забавы юныхъ лѣтъ, какъ пшички
разлѣшлись.

Придешель вы опять, о дни моихъ
утѣхъ!

О дни безлечности, опрадъ, очаро-
ваній!

Я счастливъ, счастливъ былъ въ
 пылу надеждъ, мечпаній,
 Владыкъ земныхъ счастливѣй
 всѣхъ!

Но сурогой смершныхъ просвѣщи-
 шель,

Воздушныхъ зданій разрушитель—
Угрюмой олытѣ мнѣ свой грозный
 видъ явилъ

Смолистымъ факеломъ на міръ сей
 посвѣшилъ,

И міръ подернулъ черной тканью...

„Гробъ мрачной, рекъ онъ мнѣ, одинъ
 конецъ спраданыю:

„Обѣты счастья—ложь! дни жизни—
 дни суешь!

„Волшебны зеркала — прелестныя
 мечпанья.

„Когда и гдѣ ихъ нѣтъ,

„Существенность совѣмъ инымъ
 являетъ свѣтъ:

„Являетъ міръ въ слезахъ, людей въ
 шокѣ спаданья...

„Надежды и мечты

„Насъ тѣшатъ, какъ дѣшей, и вя-
 нутъ, какъ цвѣты!

„Подъ бурями страстей мертвѣешь
добродѣшель“ . . .

Такъ омытъ намъ гласишь. Суровой
благодѣшель!

Ахъ! къ прежнимъ радостямъ искашь
ли вновь пушей?

Гдѣ, гдѣ укроюсь я отъ мясежа
страстей?

Не при шебѣль, о рѣкъ Россійскихъ
мать и слава!

О лышна Волга величава!

Мнѣ рокомъ суждено блаженство воз-
вратишь,

И сердца грустнаго всѣ раны за-
лечишь? . . .

О Волжскія струи! о холмы возвы-
шенны!

Воскреснутъли привасъ дни счастья-
емъ обновленны?

Прольетсяль въ шомну грудь ве-
селія струя,

И будуль, будуль счастливъ я? . . .

Брега прелесшныя, плѣняючи собою!

Не здѣсь ли заключишь могу я миръ
съ судьбою?

Ахъ! будете ли вы, нагорны высоты!

Пришомъ спранника, пришомъ
сирошы?—

Въ укромной хижинѣ, къ утесу при-
 слоненной,
 Дубами древними отъ бурей осѣнен-
 ной,
 Найду ли наконецъ желанной я покой?
 Я восхищался бы прелестною рѣкой
 И вшоря соловьямъ, бряцалъ на скром-
 ной лирѣ
 Пѣснь тихую рѣкѣ, столь шумной,
 громкой въ мірѣ!
 Ябъ видѣлъ ладій бѣгъ, крылашья
 супруга,
 Какъ, къ морю синему, высокія берега
 И полны пажисьми зеленыя луга,
 Въ свой быстрой Волга слѣдъ про-
 водитъ . . .
 Мечта , омяшь мечта къ мечтамъ
 меня заводитъ!
 Мнѣль счастья ожидашь? — судьбы
 гремящей гласъ
 Велишь оставишь вновь, берега пре-
 красны васъ!
 Я странникъ ! не ищу чертоговъ
 пышныхъ строишь ;
 Ищу лишь уголка, гдѣбъ сердце ус-
 локоишь.

Х л ь в н и ц а .

Въ городѣ Б . . . , куда прѣѣхали поздно вечеромъ, долго спрашивали мы по улицамъ просясь на ночлегъ, но тщетно!... Дома не опирались для спрашниковъ. Чистая въ дорогѣ Гомера, и восхищаясь гостеприимствомъ древнихъ, мы съ сугубою горестію почувствовали, что у насъ его уже не стало.

Наконецъ отворилась дверь небогатой, но счастливой свѣтлицы. Ласковая хозяйка отвела насъ уголокъ и самой крѣпкой сонъ — знакомый болѣе всѣхъ путешественникамъ — лишилъ насъ, на нѣсколько часовъ способности принуждать себя къ существованію въ семъ мірѣ (*) и къ боренію съ горемъ и суетою.

(*) Выраженіе изъ известной книги Гюфганда.

Проснувшись рано по утру, узнали мы, что хозяйка наша хлѣбница; и тогда только примѣшили, вывѣшенный надъ окномъ, большой калатъ, вѣрный признакъ ея промысла. Но всѣ голодные, безъ этой примѣшы, и зажмурясь същущь домъ хлѣбницы. Вскорѣ наполнилась комната — и къмѣ же? — бѣднѣйшими обоего пола жителями города. Посмотримъ на нихъ и послушаемъ ихъ разговоръ. — *Добрая хлѣбница объявляетъ нѣкошорымъ, что по нынѣшней дороговизнѣ всего прогаго, необходимость заставляеть ее надбавить по денежкѣ на фунтъ хлѣба.* Надобно было въ это время видѣть лица голодныхъ бѣдняковъ... Съ какою горестію шепшали они другъ другу, что хлѣбъ подорожалъ! При этой вѣсти иныя пожимали плечьми, другія глядѣли, сквозь слезы, вверхъ и шажко вздыхали. *Житель большаго свѣта* гремя по мостовой въ блестящемъ

экипажѣ, оспанавливается у одного изъ храмовъ моды, пересматриваетъ разныя копеешныя бездѣлки, и узнавъ, что цѣна на нихъ прибываетъ рублями, едва слегка наморщиваетъ лобъ и великодушно плашитъ за всё;— а бѣдныя, узнавъ о надбавкѣ одной денежки на фунтъ хлѣба, такъ сбпуютъ и спонутъ! — Тѣ и другіе люди; но— вошъ что значитъ бѣдность!

„А за шотъ хлѣбъ, которой мы прежде забрали, должны ли плашитъ старою цѣною, или? . . .”
 Прежнему хлѣбу, прежняя и цѣна. Хотя бы нынѣ по рублю сдѣлался фунтъ, я на старыхъ должниковъ ни копѣйки лишней не положу. Сохрани меня отъэшаго Бога! Такъ отшѣчала добрая хлѣбница молодой, бѣдной дѣвушкѣ. — Сколько жъ мы вамъ за должали? „спросила она” За два пуда, отшѣчала хлѣбница. — Мы должны за два пуда! воскликнула дѣвушка: Боже мой!

мы вѣчно съ вами нерасплашимся... Кромѣ меня еще при брашна и меньшая сесприца раза по при въ день со слезами просяшъ хлѣба. Я недавно всшала съ пошели, была больна; спаршій мой брашецъ прешій день какъ въ огнѣ горитъ! Машушка ухаживашъ за больнымъ: всѣ работы наши осшановились, чулки невяжущся... а мы еще должны, и зацѣлыхъ два пуда! Тушъ косынка на груди ея приподнялась ошъ шяжкаго вздоха, вылепѣвшаго прямо изъ сердца, и двѣ крупныя слезы, вышѣсненныя скорбію, покашились по блѣднымъ щекамъ. — „Не горюй, моя милая;” — говорила хлѣбница: *богатъ Богъ милостію*. Никшо какъ Богъ! Онъ приришъ ваше сирощество. Я знаю, вы люди чеспные, и я гошова ждашь на васъ цѣлой вѣкѣ... Пошомъ, обрашясь къ мальчику лѣшъ двенадцати, спросила: легче ли швоему ошцу?” — „Нѣшъ! ошвѣчалъ печально мальчикъ” ба-

пюшка все лежишь на соломѣ, какъ прикованъ къ землѣ; а пу-ще всего по бѣда, что черный хлѣбъ ему горекъ кажешся. Я вы-просилъ у сосѣдки Ивановны немно-го молока, хошѣлъ поподчивашь его калачемъ, да... Тутъ шарилъ онъ по въ правомъ, по въ лѣвомъ карманѣ, и нашелъ только двѣ де-нежки.... „Богъ съ ними!“ сказала торговка: отнеси отъ меня ба-пюшкѣ гостинецъ, мягкой калачъ; а на эти деньги поставь свѣчку за его здоровье. Потомъ шепнула она ему на ухо нѣчто такое, отъ чего мальчикъ очень весело улыб-нулся, и прыгая отъ радости по-бѣжалъ домой. — Послѣ узнали мы, что она посулила ему давшъ безденежно каждый день по ка-лачу, покуда отецъ его выздoro-вѣетъ. О! это даяніе запишешся въ небѣ, въ первой сташѣ о бла-гошвореніяхъ, ангеломъ блющи-шелемъ добрыхъ дѣлъ. — Благо-словеніе Божіе да освиитъ щедро-

любивую жену, и отъ того гаса въ домъ ея водоносъ муки не вскудѣетъ и тванецъ ея не умалится.

И такъ случай открылъ намъ, что приютивъ, испинно-бѣдныхъ въ городъ — есть домъ хлѣбницы. У портнова можно узнать, кто болѣе всѣхъ принеситъ жершвъ модѣ; у кулцовъ узнаешь, кто роскошнѣе всѣхъ живешъ; но никому такъ незнакомы бѣдныя какъ хлѣбникамъ: они продающъ такую потребность, безъ кошорой и нищѣ, въ изпѣвшихъ рублищахъ, обойшиться не могутъ. Сколько способовъ послѣдовать благородному стремленію къ добру открытешя для благошворителя въ домъ хлѣбника! И какъ много можно сдѣлать добра за самыя малыя деньги! ... На примѣръ: можно купить калачей бѣдному больному, заплашишь долгъ за два пуда хлѣба и прочее. .... Какъ удивился больной отецъ, увидя сына, несущаго къ нему кучу калачей! Какъ

обрадуешся бѣдная дѣвушка, когда, просидѣвъ ночи за работою, изколѣтъ руки, выручивъ наконецъ нѣсколько денегъ, и пошлѣ часъ понесетъ ихъ на уплату долгу за два пуда хлѣба... а эшотъ долгъ уже уплаченъ!! О, какъ весело улыбнешся она!... А благодарная улыбка невинности пріяшнѣ свѣшлаго весенняго солнца!

ПИСЬМА ИЗЪ КІЕВА.

КІЕВЪ. АВГУСТА 24, 1811.

Еще не опали облака пепла, не остыли груды камней, и не успокоились сердца народа, какъ мы пріѣхали въ Кіевъ. Мой другъ! я не видалъ несчастныхъ жителей Неаполя пошлѣ часъ послѣ изверженія ихъ Везувія; но я вижу жителей Кіева, рыдающихъ на пеплѣ домовъ своихъ. Какъ сильно дѣйствуетъ на сердце человѣческое всякое необыкновенное происшествіе!... Никшо не можешъ прид-

ши въ себя: не вѣрятъ, чѣмъ и прочія части города могли уцѣлѣть, когда *Подоль* сгорѣлъ!—Весь городъ на спорожѣ! — дни проводящъ въ уныніи, ночи безъ сна! — Разныя смущенныя молвы и слухи шапаются по пепламъ и развалинамъ пожарищъ; спрахи гнѣздящся въ домахъ.

Никто не помнитъ такого жаркаго лѣта. Пожарамъ нѣтъ числа: каждую ночь съ копорой нибудь стороны рдѣетъ небо. Въ одномъ мѣстѣ горящъ слободы; въ другомъ пылающъ сѣно и скирды сѣна. Тамъ, на краю горизонша, сгорающъ лѣса, и пламя льется рѣкою. Во многихъ мѣстахъ горящъ поля, и земля на аршинъ глубиною выгораетъ. Случается, что огонь, разшекаясь по степямъ, подходитъ къ селеніямъ и зажигаетъ ихъ.—Не одинъ *Кіевъ*; сгораютъ *Бердичевъ* и *Житомиръ*, горитъ *Воынь* и *Малороссія*. Здѣсь, въ *Кіевѣ*, загараются мно-

гіе дома, еще недоспроенные: горящъ шѣ въ кошорыхъ печей совсѣмъ не шопящъ; и шакія спроенія занимающа огнемъ: въ кошорыхъ воесе нѣшъ печей.

Все это поааетъ поводъ къ разнымъ догадкамъ и сомнѣніямъ. Полагающъ, что естъ поджигатели; что они сосшавляющъ особаго рода секту или тайное общество; что вынущены изъ Польши, изъ Герцогшва Варшавскаго гдѣ, напершникъ Н. . . на, злобный Д.ву, тошовишъ во мракъ молніи для пожиганія священныхъ градовъ Россіи.

Но здѣшнее начальшво сморшъ неусыпными очами. Всѣ мѣры приняшы; всѣ предосторожності взяшы.

СЕНТЯБРЯ 2, 1811.

Вчера появилась здѣсь комета. Звѣзда сія необычайнаго вида. Думающъ, что она имѣетъ собшвенной свѣшъ. Сія небесная

страница усугубила страхъ въ народѣ. Ее почишають предвѣстницею великихъ переворошовъ, кровопроливной войны. Всего естественнѣе жителямъ земли желаніе чинить въ небесахъ судьбу свою. Не лзя однакожь опровергать рѣшительно, чшобъ небеса не предвѣдомляли землю о грядущихъ бѣдсшвіяхъ, и чшобы кометы не были иногда предвѣстницами великихъ событій. На примѣръ: комета, явившаяся въ день рожденія *Митридата Понтійскаго*, опъ которой, по сказанію *Исторіи*, часть неба горѣла въ заревѣ, не предвѣщала ли великихъ пожаровъ военныхъ, возженныхъ симъ неушомимымъ въ войнѣ Государемъ? — Общее гаданіе народа предвѣщаетъ кровопролитіе. Еще не угасла война на Дунаѣ, однакожь она ничего не значить; но ешлы воздвигнешся брань опъ *Залада*, то брань сія будетъ неслыханна, ужасна!!!
 Прощай!

СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ, 1811.

Пожары угасають: раскаленное небо покрывается благошворными облаками и даритъ землю спасительнымъ дождемъ.— Какъ несчастны они! бѣдные жители сторѣвшаго города!... Цѣлыя семейства гнѣздящяся въ развалинахъ, въ погребахъ; шалаши почитаютъ за выгоднѣйшимъ жилищемъ. Многие роются въ пепѣ, ища, сами не зная чего! . . . . Сей часъ писалъ я къ Издателю Русскаго Вѣстника. Тебѣ идетъ списокъ съ сего письма. Въ немъ, между прочимъ, найдешь и картину Киевскаго пожара.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ КІЕВА.

Желая описать горестную участь одного семейства въ Кіевѣ, необходимо долженъ я напомнить о несчастіи, постигшемъ цѣлый городъ. Въ Кіевѣ, по приѣздѣ моемъ, вскорѣ послѣ перваго и ужаснѣйшаго пожара, заспалъ я

всеобщее волненіе въ народѣ, объявлено ужасомъ. Жары не уменьшались. Днѣпръ примѣшно свузился въ берегахъ и пещанья глыбы возвысились во многихъ мѣстахъ изъ обмѣлѣвшей рѣки. Большая часть колодезѣвъ въ городѣ и многіе источники въ окрестностяхъ пересохли...

Послѣ пожара на Подолѣ, начали загораться лучшіе дома въ разныхъ мѣстахъ на Петерскѣ. Кіевъ походилъ на обширный воинской шанъ. Снѣгъ удалялся отъ глазъ напуганныхъ жителей; въ каждомъ домѣ учреждалась своя стража; едва ли одна половина жителей засыпала слабымъ снѣгомъ, другая всегда бодрствовала. Отъ зари вечерней до самаго свѣша народъ шѣснился вокругъ домовъ. Вездѣ гремѣли прещетки, вездѣ отдавались отголоски часовыхъ. Воинскіе отряды переходили изъ улицы въ улицу; Уланы разбѣжали дозоромъ; и самъ воен-

ный Губернаторъ, Генералъ опъ Инфантеріи Михайла Андрѣевичъ Милорадовичъ, съ сою самою бди-шельностію, кошорою опличался на полъ брани, не рѣдко провождалъ цѣлыя ночи на конѣ. Къ усугубленію всеобщаго смященія разходились разные слухи на щепъ пожаровъ.

Осенняя погода и нѣсколько дождей прохладили наконецъ воздухъ и омочили вредную пыль, кошорая при малѣйшемъ порывѣ вѣтра взвивалась облаками надъ городомъ. Пожары прекрашились. Военный Губернаторъ произнесъ нѣсколько убѣдительныхъ рѣчей къ Старшинамъ Магистратскимъ, и при томъ издалъ особенное письменное извѣщеніе народу Кіевскому, въ кошоромъ обьяснялись спрожайшія мѣры, приняшыя Начальствомъ къ предотвращенію пожаровъ, и причины нѣкошорыхъ извѣ оныхъ. Сими спасительными средствами волненіе умовъ нѣсколько успокоилось.

Съ высоты горы, подлѣ церкви Св. Андрея Первозваннаго, взглянулъ я на опустошеніе, учиненное великимъ пожаромъ, и невольно содрогнулся. Тамъ, говорили мнѣ, среди самой населенной части Кіева, на Подолѣ, начался пожаръ въ чешыре часа по полудни, и вдругъ черныя шучи дыма помрачили солнце и закрыли сводъ неба. Порывистый вихрь, кружа съ собою пыль, дымъ и горящій пепелъ, уносилъ цѣлыя пылающія головы, и разбрасывалъ ихъ по всему пространству. Огненные столпы показались въ разныхъ мѣстахъ вдругъ, и пламя обхватило весь Подолъ. Бѣдствіе сдѣлалось неминуемымъ и всеобщимъ; день преворился въ ночь; каждое огромное зданіе представлялось огнедышущимъ жерломъ, извергающимъ пламя, дымъ и пепелъ. Каменные дома горѣли и съ шрескомъ распадались; великолѣпные храмы пылали; сошны малыхъ хи-

жинѣ во мгновеніе ока превращались въ пепелѣ. Всѣ пожарныя шрубы, всѣ полицейскіе опряды, нѣсколько баталіоновъ солдатъ и нѣсколько тысячъ народа не могли подать никакой помощи нижнему Кіеву. И можноль было избрѣсшь средство къ спасенію тогда, какъ пламя, въ видѣ огненной рѣки, почти равнявшейся въ широтѣ съ самымъ Днѣпромъ, разливалось по всему берегу? — Вѣтеръ, ударявшій въ гору и пошомъ ошъ нее отражавшійся, увлекалъ за собою пламя, и каждымъ оборотомъ своимъ зажигалъ по десяти и болѣе домовъ вдругъ. И самый воздухъ казался воспламененнымъ. Напрасно народъ и войско толпились въ тѣсныхъ улицахъ, загромозженныхъ плѣющими бревнами: деревянная мостовая горѣла подъ ногами ихъ; съ обѣихъ сторонъ пылали дома, а сверху сыпался горягій пепелъ. Генералъ Милорадовичъ, извѣстный

непоколебимымъ мужествомъ своимъ въ сраженіяхъ, ободряя жителей и поощряя войско, являлся вездѣ, гдѣ огонь и опасность усиливались. Въ одномъ пѣсномъ переулкѣ пламя, обойдя его кругомъ, опалило ему щеку, волосы и мундиръ. Едва могъ онъ ускакать по горящимъ развалинамъ.

Но я уже слишкомъ далеко отвлекся отъ моей цѣли. Кіевъ со дѣйствіемъ великодушнаго Монарха въ новомъ блескѣ возродился изъ пепла (*)! Отъ ужаснаго зрѣлища Кіевского пожара обращаюсь къ бѣдному семейству,

---

(*) Государь Императоръ, въ письмѣ своемъ, къ Военному Губернатору, изъясняетъ сердечное соболъзнованіе объ участи Кіевскихъ жителей, обѣщая онымъ всевозможное вспомошествованіе. Планъ для возобновленія Подола и для населенія вновь пространства за Золотыми воротами уже готовъ.

и осмѣливаюсь изобразить плачевный его жребій сердцамъ благошворительнымъ, кошорымъ внышны споны злополучныхъ!

Между прочими поспрадавшими въ Кіевѣ отъ пожаровъ, вдова * * * Б* * лишилась всего своего имущества. Мужъ ея, прослужа сорокъ лѣтъ въ военной службѣ, вышелъ въ опшавку Маіоромъ; но не могъ насладиться спокойною жизнью, будучи обремененъ бѣдностью и шестью ранами, изъ кошорыхъ нѣкошорыя никогда не закрывались, причиняли ему жестокую боль. Ошавшись вдовою съ пятью сиротами, она не имѣла бы гдѣ приклонить головы безъ великодушной помощи благошворительной *Генеральши Василицкой*, кошорая, приглася нѣсколько Особъ къ пособію вдовѣ Б* *, выспроила ей домикъ. И сей даръ благошворительности, сей приюшъ убогаго семейства превращенъ въ пепелъ пожаромъ на

Подоль!... Несчастливая вдова Б**
 съ пяпью сиротами, изъ коихъ
 двое больны продолжительною ли-
 хорадкою, мѣспишся шеперь подъ
 обгорѣвшими развалинами одного
 зданія. Узнавъ ошъ кого-шо изъ
 чипашелей Р* В*, что въ ономъ
 печашающся увѣдомленія о неща-
 сныхъ, она нарочно ошыскала
 меня, и со слезами просила извѣ-
 спишь благотворительныхъ со-
 ошчичей нашихъ о ея горесшномъ
 положеніи. Я думаю, что соб-
 сшвенныя слова несчастной вдовы
 будущъ сильнѣе всякаго посшорон-
 няго краснорѣчія: „я все пошерея-
 „ла! говорила она рыдая. Бѣдныя
 „дѣши мои лежатъ на голой зем-
 „лѣ и просятъ хлѣба. До сихъ
 „поръ, пока еще стояли жары,
 „мы не чувспвовали нужды въ
 „одеждѣ и кровлѣ; но осень на-
 „сшупаешъ, ночи спановяшся хо-
 „лодны и дни пасмурны! что намъ
 „дѣлашь въ спужу? чѣмъ пишашь-

„ся, и гдѣ укрышься отъ дождей
„осеннихъ?“

Благошворительные друзья злополучныхъ! чистая спрочи сіи, подъ надежною защитою отъ бурь осеннихъ, въ кругу семействъ вашихъ, среди даровъ щастія, вспомните, что цѣлое семейство, спенящее въ нищетѣ и злополучіи, ожидаетъ пищи, помощи и покровы отъ великодушнаго со-спраданія вашего!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

